НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)

№ 19—20. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 1930 № 19—20.

1000

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)

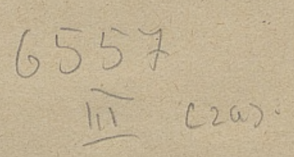
№ 19—20.

АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ

1930

№ 19 - 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Ц. К. Нар. Партии Горцев Кавказа передал редакции журнала для опубликования нижеприводимое воззвание, полученное им от Совета Национальной Обороны, руководившим восстанием горцев против советской власти в 1920—21 г. г. Воззвание было получено в августе т. г. в связи с протестом всех вероисповеданий против антирелигиозной политики советской власти.

Сев. Кавказ
15 июля 1930 г.

К культурному человечеству!

Уже 13 лет шестая часть земного шара переживает невиданную еще в истории человечества трагедию. 13 лет политические фанатики, вместе с авантюристами разных оттенков, безнаказанно творят кровавое дело над многими миллионами человеческих истот, имевших несчастие попасть в их руки. 13 лет на глазах культурного человечества, в век, когда лозунг о самоопределении народов стал легальным правом, десятки различных народов переносят невыносимый гнет, невиданный еще в истории человечества. Власть, именующая себя властью рабочих и крестьян, властью угнетаемых и обездоленных, несущая на своих знаменах лозунги, гласящие освобождение всем порабощенным народам, — эта власть в своих владениях создает примеры беспримерного насилия и террора.

Мы, горцы Кавказа, десятый год пребывающие под игом этой власти, под игом красной Москвы, устами близкой и родной нам Народной Партии Горцев Кавказа, обращаемся к культурному человечеству с криком о помощь и сочуствие. 10 лет мы разделяем судьбу многих миллионов, не смогших, подобно нам, уберечь себя от нашествия красных полчищ.

10 лет советская власть проводит на нашем теле свои разрушительные эксперименты, не щадя ничего, что дорого нам.

Мы обнищали и влачим жалкое существование; семья, наши обычаи, религия — все попрано бесчеловечной властью.

Ныне, когда культурное человечество поднимает свой голос против этой силы, грозящей залить во всем мире общие нам всем идеалы, когда этот голос общечеловеческого протеста дошел и до нас, мы с надеждой на избавление смотрим в будущее. Акция, поднятая христианским миром по инициативе главы католицизма, должна найти горячий отклик и среди наших единоверцев. Мусульмане мира не должны забывать, что свыше 30-ти миллионов верных последователей Пророка томится под игом безбожной Москвы. Мусульмане дожны знать. что воинствующий коммунизм одинаково не щадит, как Христианства, так и Ислам.

Мы, горцы Кавказа, принесшие достаточное количество жертв на алтарь Религии и Свободы, призываем мусульман мира присоединить свой голос к общему протесту против власти узурпаторов, угнетающей нас и обесчещивающей наши идеалы. Все верующие в Единого Бога и все сохранившие чувство человеколюбия должны помочь нам, лишенным возможности свободно исповедывать веру и в молитве забыть ужасающую действительность, окружающую нас.

Три миллиона горцев Кавказа, вместе с многими миллионами иных народов Кавказа, ждут от мира помощи и освобождения. Мир должен внять стону миллионов во имя общечеловеской солидарности, во имя сохранения культурных ценностей, добытых общими усилиями всех народов в продолжении многих веков.

Совет Национальной Обороны Сев. Кавказа.

Пути и итоги

Почти 4 года прошло со дня зарождения Народной Партии Горцев Кавказа. Перевернута страница истории, которой началась новая эра в жизни горцев. Нужны были долгие годы неволи, длинная цепь неудач и разочарований, море напрасно пролитой крови, чтобы, наконец, творческая мысль горцев решилась совершить шаг, который необходимо было совершить уже несколько десятков лет тому назад. Никто из нас не будет отрицать того, что русская революция явилась для нас неожиданностью, мы к ней не подготовились, хотя должны были ее предвидеть. Грандиозность события нас поразила, в безграничности возможностей мы потерялись. Мы шли туда, куда толкала нас слепая судьба. Попытки, направить окружающую стихию в надлежащее русло, кончались неудачей, ибо мало кто осознавал — каково должно быть это русло и как по нему нужно итти. У нас не было единства цели, ибо наша психология развивалась под влиянием тех локальных факторов, среди которых каждый из нас в отдельности пребывал. Идеология, унаследованная со времен Имамов, не могла уже во всей полноте охватить живые силы страны. В нее необходимо было вдохнуть новый дух, приспособить к изменившимся условиям, сделать ее всеоб‘емлющей — способной об‘единить массы, живущие еще старыми архаическими традициями, с интеллигенцией, вкусившей плоды цивилизации. Горское национальное самосознание нуждалось в идеологической трансформации и организационных формах. В то время как у наших соседей на юге национальное самосознание эволюционировало, приобретая все более и более высшие формы, в то время как и среди грузин, и среди азербайджанцев и армян возникали политические партии, идеологически и организационно подготавливающие народные массы к восприятию идей ими развиваемых — горцы продолжали пребывать при наследии, оставленном Имамами, постепенно и его теряя. Массы сохраняли органическую неприязнь к поработителям, неприязнь во-много раз сильнейшую, чем у наших южных соседей, но, для плодотворного использования ея, у нас не имелось соответствующего руководства, соответствующих навыков. Период нашей независимости достаточно ярко иллюстрировал это положение. Всеобщий хаос, отсутствие организованности, единой идеологии и руководства, политическая неопытность явились могилой горской Свободы. Попытка части национально мыслящей интеллигенции овладеть движением кончилась неудачей. Не подготовившая массы и себя, она должна

была капитулировать перед стихией. В результате — море пролитой крови, гекатомбы напрасных жертв.

Возникновение Народной Партии Горцев Кавказа вызвано необходимостью внести в горское освободительное движение начала систематичности. Жертвы, приносимые на алтарь свободы, не должны быть безрезультатными. Стихия должна смениться организованностью, политическое диллетанство — планомерной национальной работой. Горская нация должна окончательно сконсолидироваться и стать на единственный путь — путь Независимости. Именно, эти соображения вызвали к жизни Народную Партию, и, именно, они легли в основу ея деятельности. Отныне горское национальное движение начинает итти теми путями, по которым шли до и будут итти и после него иные аналогичные движения. Народная Партия открыла новую эру в истории горцев и нужно признать, что ея работа дала уже результаты. Горское освободительное движение вышло из состояния хаоса и инертности, в которых оно до сих пор пребывало. Уже и друзья и враги, как на Родине, так и в эммиграции, вынуждены считаться с ним и с работой партии. Руководство Народной Партии может с полнои уверенностью утверждать, что идеи партии распространяются в народе, что прежняя стихийность, характеризующая до сего времени борьбу масс с властью оккупантов, начинает уступать место планомерной национальной акции. Восстанавливается контакт между горскими национальными силами, пребывающими за-рубежом, и таковыми-же, работающими на Родине. Общими усилиями народ подготовляется к организованной борьбе — основе нашей Независимости. Результаты работы партии особенно заметны здесь — в эммиграции. Они у всех на виду, их ощущают, о них можно говорить. Со дня зарождения Народной Партии Горцев Кавказа, горская эммиграция зашевелилась — начала жить, вернее оживать политически. В одних пробуждается чувство зависти и боязнь потерять монопольное право на горский национализм, не известно когда и кем данное, — в других — дремавшее национальное чувство, до этого не трогаемое.

Мы видим, как, дотоле почивавшие на лаврах во всеоружии „мандатов", наши „нацмонополисты" начинают проявлять признаки жизни. Они снисходят с олимпийских высот собственного величия; отныне не только вопросы „высокой политики" являются исключительным полем их деятельности. Два-три меморандума, взывающие к справедливости Лиги Наций, уже не удовлетворяют их; они жаждут „практической" работы. На восьмом году изгнания они приходят к убеждению, что не одними только ме-

морандумами добывается Свобода Родины. Они „осознают" необходимость организованности. Как грибы возникают различные „центры", „советы" и даже „партии", хотя они были всегда убежденными противниками всяких партий. Они были „надпартийны"; их слово было закон, желание—приказ. Они были непогрешимы и не хотели себя связывать обязательствами, хотя бы и в отношении друг к другу. Правда, практика показывает, что все эти начинания рушатся с такою-же легкостью с каким... трудом создавались; правда, члены этакого „центра", созданного путем длительной переписки, возвращаются в первобытное состояние в неполных два месяца и „инициаторы" снова сидят у разбитого корыта, но, все-же, мы, члены Народной Партии, довольны и этим. Мы довольны, что, благодаря нам, наши нацмонополисты вышли из состояния восьмилетней летаргии даже для такого рода „деятельности". Желаем им успеха, ибо верим, что они, наконец, поймут, что только систематичность, организованность и взаимная спайка, покоящиеся на сознательной дисциплине, подчиненности личности коллективу, дадут нашей Родине желанную Свободу. Мы верим, что они осознают необходимость и для горского освободительного движения тех форм, которые, обыкновенно, в аналогичной обстановке приводили к победе иные народы, боровшиеся за свою самобытность. Побеждал тот, который, кроме воли к борьбе, умел эту борьбу организовать, создать традиции ея и связать этими традициями активные силы страны. Если те, кто стремится к тому-же, что и мы, это осознают, мы думаем, что тогда нам легко будет договориться и пойти общей дорогой к конечной цели.

Если Народная Партия явилась „оживляющим" средством для национального крыла горской эммиграции, то не миновала она и „истинно-русских" горцев. Даже у „зубров" марковского толка далеко не с прежней легкостью вылетают слова „Боже царя храни". И, наверное, не один из них задумывается над тем — куда он идет. Если даже здесь Народная Партия не добьется полного „обращения" отщепенцев — беда не велика. Люди, несущие цепи рабства народу их породившему, нам не опасны. Народ их отвергнет и им не удастся совратить его на ложный путь. Но, если они осознают свой грех перед народом и захотят итти с нами, мы рады и им. Мы верим, что голос крови силен и, если он отзовется, то мы вновь все станем горцами, сотни лет отстаивавшими свою независимость. А у горцев всегда один путь — к Свободе Родины.

Дебир.

Под лозунгом единства Кавказа

I

Вот уже шесть месяцев, как родина охвачена чрезвычайными событиями. Все горы Азербайджана и сопредельных с ним частей Армении и Грузии, а так-же Северного Кавказа озарены пламенем народного восстания. Лучшие сыны страны решили честно умереть в борьбе, чем бесславно погибнуть в рабском повиновении дьявольски чудовищным экспериментам московских тиранов.

Ведь „уничтожение кулака, как класса“ в условиях Азербайджана и всего Кавказа означало ничто иное, как поголовное истребление главной массы населения. Ведь 60% сельского населения в Азербайджане принадлежит к той категории лиц, которые подлежат „раскулачиванию“. Ведь здесь коллективизировалось и животноводство.

Кавказ никогда не знал институт общинного землевладения. Это—явление русской жизни. К тому-же эксперименты производились руками советских чиновников, которые на 70% состоят из не азербайджанцев. Принудительная-же сила „революции“ была русская—красная оккупационная армия.

При такой обстановке „антиколхозное“ выступление крестьянства носило не только антисоветский, но и антиоккупационный, т. е. антирусский характер. Социально-классовый момент вполне совпадал с национальным. Установлено, что повстанцы требуют не только отмены коллективизации, но и восстановления своей национальной власти. Тот факт, что местные красноармейцы массами переходили на сторону повстанцев и милиция всегда оказывалась неблагонадежной, а так-же, что даже местные коммунисты идут в партизаны—разве не доказывает справедливость нашего утверждения!... Советские ораторы, выступающие на партийных собраниях в „Закавказье“ не раз указывали на это „печальное“ явление. Один из них (Чаплин), говоря о „деревенских кадрах“ коммунистической партии, назвал их поведение во время последних событий прямо возмутительным. „Тот факт—говорил он—что в Нухе в тяжелый момент многие коммунисты и комсомольцы изменили нам, открыто перейдя на сторону врага, заставляет нас еще раз подчеркнуть, что в деревне основное ядро партии должно быть подобрано только из проверенных и закаленных в последних боях элементов“. *)

*) „Хорурдайн Айястан“ № 117 22/5 — Эривань; большевистская газета на армянском языке.

Факт „измены“ комсомольцев, приводимый советским оратором служит подтверждением и нашего сведения о героическом подвиге 10-ти комсомольцев, которые, уходя в горы, отчаянно дрались с преследующими их чекистами, и, когда у них не осталось более патрон, они последними зарядами покончили с собой. *)

Что-же заставляет этих красноармейцев, милиционеров, бедняков, середняков, коммунистов и комсомольцев выступать заодно с „кулаком“, с „классовым врагом” и уходить в горы к партизанам, к „бандитам“ по терминологии советской прессы... Если послушать секретаря Гикало, то следует утверждать, что все это дело рук „Мусавата“. Это „мусаватизм“ одухотворяет антисоветское повстанческое движение.

„Мусаватизм“, как синоним азарбайджанского национализма, во всем этом движении бессомненно играет существенно важную роль. Но вопрос ясен и так, без всякого синонима. Общее национальное несчастье — вот где причина. Общий национальный протест—вот результат этой причины!

Партизанами поднят азербайджанский национальный флаг.

II

Восстают не только одни азербайджанцы. Борьба идет не только во имя освобождения Азербайджана. Красный кошмар советской тирании всеподавляющим прессом давит на все народы Кавказа. Тяжелая судьба истории об'единяет их. Суровая школа жизни учит солидарности. Национально-жизненный инстинкт подсказывает им общность их политических интересов. В результате, перед нами картина братания народных масс Кавказа. В Нахичевани — в том самом Веди-Басаре, который с оружием в руках в свое время защищал свою свободу против Армянской Республики — ныне, тюрские партизаны действуют совместно с армянскими дружинниками. Согласно сообщений наших корреспондентов, а также по косвенным указаниям советской прессы установлено, что между всеми партизанскими отрядами Кавказа существует тактическая связь. Слух о с'езде делегатов партизан всех национальностей Кавказа, имевшем место в Закатальских горах, не лишен основания. В этом с'езде приняли участие делегаты Азербайджана, Северного Кавказа, Грузии и Армении. Достоверная информация

*) Глава группы назывался Мурсал-Йбат-оглы. Событие произошло в Аскеране в Карабахском районе.

из Азербайджана отмечает ряд блестящих фактов, доказывающих наличие междунациональной солидарности борющихся элементов Кавказа.

Что может быть красноречивее того, что армянские беглецы скрываются у тюрков, а тюрки у армян. Были случаи, когда армянские села (как например село Айнароз в Веди-Басаре), имея ввиду старые счета по гражданской войне с армянскими партизанами, предпочитали иметь дело с тюркскими, чем с армянскими дружинниками.

Фактов, подтверждающих правдивость определения резолюции Комитета Независимости Кавказа, гласящей, — „что общее несчастье, постигшее все народы Кавказа, та тяжелая борьба, которую они совместно ведут против общего врага, несомненно способствуют утверждению в умах сознания общности исторических судеб всех народов Кавказа“ — соответствует действительности. Правда, что „создается общекавкасская революционная психология, без которой немыслимо успешное завершение начатой борьбы“—(из той-же резолюции).

Единство Кавказа!—вот лозунг, которым ныне воодушевлены народы Кавказа. То, что народные массы понимают инстинктом самосохранения и проявляют практически — руководящие органы Кавказа оформливают теоретически. „...Усилить организационно-пропагандическую деятельность на Родине, выдвигая на первый план лозунг Независимой Кавказской Конфедерации“—говорится в той же резолюции К. Н. К., принятой по поводу последних событий на Кавказе.

Азербайджанский Национальный Центр и Центральный Комитет партии „Мусават“ в своих резолюциях, принятых по поводу восстаний в Азербайджане, энергично предлагают всем лицам, причастным к организациям, и всем патриотам — „говоря о независимости Азербайджана, одновременно говорить и о Независимой Кавказской Конфедерации, ибо освобождение Азербайджана мыслимо только совместно с освобождением всего Кавказа“.

Эта мысль в довольно сильных выражениях высказана названными ответственными органами азербайджанского национально-революционного движения и в воззваниях, выпущенных к народу.

В том-же духе составлено так-же обращение Комитета Независимости Кавказа.

III.

Большевики, долго умалчивающие наличие восстания на Кавказе, наконец, с полной откровенностью признали факт „повстанческого движения“. Говорим с „полной откровенностью“ —

ибо до последних дней советские деятели в своих выступлениях, говоря о движении на местах, употребляли нижеследующие прилагательные — „антисоветское", „антиколхозное", наконец, „антипартийное" выступления, тщательно избегая слова „восстание". Но ныне это сакраментальное слово уже произнесено. Элиава, глава Советской Закавкасской Федерации, на одном из последних пленарных заседаний Закавкасского краевого комитета коммунистической партии, выступил с большим докладом о политическом положении в „Закавказье". „Это положение в целом — по его заверению — чрезвычайно напряженное, чрезвычайно острое, такое, как ни в одном уголке Советского Союза. Острота этого положения особенно заметна в деревне. Давая картину положения в деревне, советский сановник делает некоторую классификацию по республикам Юга Кавказа. Выходит, что — „в Грузии положение выжидательное, тяжелое в тюркских районах в Тифлисском округе, в Армении более сложное, в частности, в таких районах, как Зангезурский, Караясский и части Делижанского и Лори — Бамбакского округов; значительно хуже положение в Азербайджане, где протекает волна повстанческого движения в Нахичевани, в Закатальском и Нухинском округах. Дело дошло до размычки".

„Все это — говорит он — возглавляется нашими врагами— сильным кулачеством в Азербайджане и зарубежным влиянием. Сейчас мы имеем очень напряженное состояние в тех-же Закатало—Нухинском, Карабахском и отчасти в Ганджинском округах".

В повстанческом движении против советско-оккупационной власти об'единены все слои народа и все народы края. Вот в каких выражениях, полных злобы и тревоги, повествует об этом Элиава.

„Сам по себе кулак не страшен, пока под его влияние не попали середняцкие элементы. К сожалению, мы очень мало сделали для того, чтобы противопоставить батрацко-бедняцкие и середняцкие массы этому влиянию".

Несколько ниже он отмечает: „На селе теперь трогательное единение всех протисоветских сил — кулака, попа, муллы, меньшевика, дашнака, мусаватиста, иттихадиста и прочих..."

Ко всему этому он добавляет и „очень серьезную борьбу против советов из-за рубежа".

Во главе „угрозы из-за рубежа", согласно утверждению Элиава, стоит Комитет Независимости Кавказа, „недавно возобновивший свою деятельность", конечно, „при поддержке Англии" — ведь не может-же большевицкий анализ политических

событий обходится без указания на „английскую кознь". Видимо даже „головы комунистов кружатся от успеха" благодаря интригам Британских островов.

О чем же говорят „агенты Англии" из К. Н. К. „Нет различия, говорят они — продолжает Элиава — между кораном и евангелием, между православной и григорьянской церковью, и, в результате, в Нахичевани мы имели тюркские банды (читай партизаны), возглавляемые армянскими священниками, а в Даралагезе армянские бандиты (т. е. партизаны) дрались под руководством вождей из тюрков..."

Представителю красного империализма ужасно неприятно, что кавказцы почувствовали необходимость об'единить свои усилия без различия веры и национальностей в борьбе с ненавистным режимом, одинаково поработившим все народы Кавказа.

IV.

Не пролитая кровь беззащитного населения, не трагедия растерзанной страны, конечно, занимают умы господ коммунистов. Им важно вот что:

„Ведь Азербайджан является хлопковой базой и для Закавказья и для Союза; азербайджанская нефть, азербайджанское животноводство имеют большое значение и играют громадную роль и, если будут прорывы на этом участке, то это вызовет прорывы и на других участках" (Из той-же речи Элиава).

Кто же виноват в этом прорыве? Конечно не заккрайком и не Москва. Кремлевские диктаторы безгрешны, красный колониальный режим тут не причем. Вся вина, с одной стороны, лежит „на влиянии извне", а с другой „на азербайджанских коммунистах". Это они, азербайджанские коммунисты, „не совсем быстро реагируют на вопросы". Вопреки предписанию Ц. К. партии послать работников в деревню азербайджанский Ц. К. не выполнил этого — обвинение, которое публично бросил в лицо азербайджанских делегатов тот-же Элиава.

Под ударом этой пощечины азербайджанские делегаты разделились на два лагеря. „Вина лежит не на чрезмерной самостоятельности азербайджанских партийных организаций, а на „излишнем централизме" — возразил делегат Ю. Касумов. Было бы лучше, если Ц. К. ограничился только советом, все остальное предоставив на усмотрение и на умение местных сил. Вся вина за последние события лежит исключительно на централизме— заявил он.

Не смотря на раболепствующие выступления ярко руссо-

фильствующей части азербайджанских коммунистов, вроде Караева, в пылу полемики назвавшего народного комиссара Буниат-заде „помощником мусавата“, в широких советских слоях Азербайджана, видимо, господствуют „касумовские“ настроения. Так например, бакинские газеты передают случай смелого выступления рабочего Зульфалиева. На одном из собраний в рабочем районе он доказывал ошибки центра; он сравнил положение крестьянина в колхозе с состоянием крепостного старого времени, за что был снят с трибуны и выведен... Куда не трудно догадаться. Не воздержалась от критики центра и группа бакинских студентов, требующих невмешательства Москвы в кавказские дела. Студенты смельчаки уволены из университета, а профессора и другие студенты получили „выговор“ за свое „пассивное отношение“, выразившееся в терпеливом слушании „контр-революционных речей“, произнесенных в стенах университета.

„Повстанческое“ настроение, видимо, охватило даже „правящий класс“, во главе с — „товарищами — ответственными работниками“. В той-же речи Элиава имеется на это косвенное указание — „У нас за последнее время обнаружились, особенно в Армении и в Азербайджане, отдельные случаи группировок внутри партии“. Элиава призывает к ликвидации этих группировок: „Мы должны так подтянуть все наши организации, чтобы партия действовала как один человек на всех участках и отвечала за каждый участок Закавказья — безотносительно Грузия ли это, Армения или Азербайджан“.

V.

Кризис коммунистической диктатуры, не смотря на триумф генерального секретаря, бессомненно продолжается с прежней остротой. Противоречия, раз‘едающие организм советского государства, с каждым днем все больше усиливаются. В этой системе противоречий, по прежнему, главную роль играют два основных фактора, развивающиеся в диаметрально противоположных направлениях. С одной стороны, развивается централизм, обусловленный фактом существования все с‘уживающейся партийной диктатуры. С другой-же стороны, все больше развивается автономизм национальных республик, обусловленный фактом существования все больше усиливающегося национального движения.

Эти две противоположные тенденции советской действительности уже приходят в столкновение. Повстанческое дви-

жение, разбираемое нами, является одним из этапов этого столкновения. Жертвы его не исчислимы. Лучшие сыны родины погибают в этой борьбе; народ переносит неимоверные муки, терпит всевозможные лишения. Отважные партизаны отражают бешенные атаки озверевших оккупантов исключительно своими собственными силами, не имея никакой помощи ни откуда, отрезанные от всего культурного мира. Быть может им суждено перенести еще худшие испытания — оставленные на произвол судьбы, они могут потерпеть поражение; но, это будет только материальное и временное поражение. Морально-же они уже победители, полная же победа гарантирована за ними — ибо они защищают морально непобедимые начала — свободы, права и национальной независимости.

Наилучший залог достижения этих высших благ общечеловеческой культуры народами Кавказа — это осознание ими единства политических интересов Кавказа.

В то время, когда во вражеских рядах отмечаются наличия „группировок“ и центробежных тенденций, мы рады отметить проявление центро-стремительных тенденций среди народов Кавказа, солидарно выступающих в борьбе за Независимость Кавказских Республик. Кавказские народы, в лице партизанов, рука об руку ведущих кровавую борьбу с общим врагом, стали на правильный исторический путь. Вышецитированные нами документы руководящих органов национально-демократического Кавказа показывают, что на этом правильном пути имеется гармония между теоретиками и практиками кавказского движения. Пожелаем-же Кавказу полного успеха в этом направлении, твердо помня, что борьба вступает в решительную фазу и ей предстоит преодолеть еще не мало затруднений. Для преодоления этих затруднений и достижения полной победы необходимо теснейшее единение всего Кавказа, как Северного с Южным, так и Западного с Восточным.

Единение народов Кавказа и полное сознание необходимости осуществления идеи Независимой Кавказской Конфедерации — вот верный залог нашей окончательной победы.

Итак, Народы Кавказа, об‘единяйтесь, сомкните ваши ряды и наравне с вашими национальными знаменами поднимите выше знамя кавказского единства. В этом, повторяю, наше общее спасение!

М. Э. Расул-Заде.

6.VIII 1930 г.

Сущность и состояние горского коммунизма

Коммунизм, как социальная доктрина, не мог расчитывать на успех среди широких масс кавкасских горцев. База коммунизма — промышленный пролетариат — отсутствовал здесь. Общинная система, явившаяся психологической предпосылкой для восприятия большевизма в России, горцам была не знакома. Не было у горцев и классово развитой буржуазии и взаимоотношения различных слоев горского общества были еще в значительной степени проникнуты своеобразной патриархальностью. Непреодолимое препятствие для восприятия социальной доктрины коммунизма творил так-же и целый комплекс традиций (адатов), регулирующих почти каждое проявление общественной и частной жизни горца. Одним словом, все те факторы, которые вызывают т. н. классовое самосознание, создают причины для взаимного истребления различных групп населения, у горцев или находились в зачаточном состоянии или-же отсутствовали вовсе. Социальная доктрина коммунизма не привлекала горцев.

Вполне естественно поэтому, что большевицкая пропаганда среди них не шла теми путями, которыми она шла, например, в областях центральной России, на Украине и даже в непосредственном соседстве горцев — в областях казачьих. Большевизм для своей популяризации использовывал здесь национальные моменты, недоверие горцев, выражаясь мягко, к старой русской власти и стремление их не допустить вторичное появление этой власти на Кавказе. Советские эмиссары входили в контакт даже с т. н. шариатистами — консервативной частью горского духовенства, ставящей национальные задачи в тесную зависимость от догматов религии. В своем лицемерии советская власть доходила даже до формального признания независимости горцев, боровшихся тогда с победоносно идущими на Москву войсками Деникина. Конечно, никогда эта власть не имела серьезного намерения признать независимость горцев и ея жест был расчитан исключительно на усиление активности своих случайных союзников.

Жест этот не остался безрезультатным. Нашлись наивные, которые в него уверовали. Не веря в силы собственного народа, эти лица предполагали использовать большевизм в деле национального возрождения горцев. К ним примкнули и те, кто хотел воспользоваться надвигающейся анархией в целях личных — большевиками стала значительная часть поддонков горского общества, принявшаяся за организацию массы фиктивных отрядов, щедро оплачиваемых большевиками. Первые верили в ис-

кренность большевиков. Они предпологали, что национальная политика коммунистов пойдет теми путями, которые начертал для нея теоретический марксизм и которые неоднократно подтверждались оффициальными представителями советской власти во многих декларациях. Национальное самоопределение „вплоть до отделения“, рабоче-крестьянское государство, построенное на принципе добровольности, равенство наций в этом идеальном государстве — вот те приманки, на которые попадались легковерные, в простоте своей допускающие их воплощения в жизнь. Действительность глубоко разочаровала наивных горских „коммунистов“, как, впрочем, разочаровала она и коммунистов иных мусульманских народов, входящих в состав СССР. Политика советов во вновь завоеванных „окраинах” далеко не гармонировала с теми лозунгами, кои провозглашались в демагогическом исступлении лидерами большевизма в начале революции. Отношения между правящими и управляемыми вернулись к старым истокам великодержавного империализма, бывшими основой национальной политики царского правительства. Уже в 1924 г. Нажмудтин Самурский*), разбирая в своей книге „Дагестан“ причины восстания на Сев. Кавказе в 1920—21 г. г., писал, что „восстание это вызвано было рядом ошибок, допущенных руководителями некоторых советских учреждений в центре Дагестана, а также отдельными советскими работниками на местах, не знакомыми с бытовыми условиями и характером горцев”. Н. Самурский приводит и образцы этих „ошибок”. Так например, он пишет о подвигах областного продовольственного комитета, который „в своей „твердой” продовольственной политике руководствовался системой круговой поруки, столь характерной для режима военно-народного управления времен царизма“. Большевизм, на русском севере исходящий в своих начинаниях из „строго-классового“ подхода, здесь на юге среди „азиатов“ начинает стричь всех под одну гребенку „круговой поруки“. „Стоит-ли церемониться с этими азиатами“ — вот принцип, который воспринимает и власть, сменившая царское самодержавие. Принцип этот ложится в основу национальной политики новой власти и его уже не удастся затушевать тем суррогатом автономии, которыми „великодушно“ наделяются нерусские народы сов. союза. Наступает разочарование, взаимное охлаждение и даже открытая вражда. В национальных (хотя по составу они далеко не национальны, а по руководящим органам

---

*) Н. Самурский (Эфендиев) — один из виднейших горских коммунистов, ныне находящийся в „опале“.

почти исключительно русские) парт. организациях пышным цветком расцветает „уклонизм“, носящий ярко выраженный националистический оттенок.

„Уклонизм“ этот находит отражение и среди горских коммунистов, состав которых перестает уже удовлетворять советскую власть. В Осетии, где большевизм был „национализирован“ под именем „керменизма“, пионеры его об'являются „склочниками“, „классово-чуждым элементом“, по недорозумению попавшим в ряды ком. партии. В Кабарде—„приходилось принимать в партию националов, которых мы надеялись перевоспитать и сделать настоящими коммунистами. Только небольшое количество националов было подготовлено к вступлению в партию и теперь ни для кого не секрет, что мы имеем в аульских ячейках не мало не годного элемента“.*) И так — во всех горских областях; всюду признано необходимым „соответствующее улучшение социального состава организаций“, которое „является одним из решающих условий социалистического строительства нацобластей“.**) Но „улучшить социальный состав“ там, где коммунизм для своего развития не обладает психологическими предпосылками, где его воспринимали не как цель, а как средство, и где он держит себя, как в завоеванной стране, является делом безнадежным. Горские „коммунисты“ определенно отошли от коммунизма не только идеологически ***), но и тактически. Уже никто не обольщает себя иллюзиями относительно значения большевизма в деле национального освобождения угнетенных народов. Сущность большевизма, хотя и поздно, но все-же разгадана, и, в этом отношении, чрезвычайно показательны статьи двух видных горских коммунистов — А. Бегеулова и И. Бутаева — помещенные в начале лета т. г. в ростовской газете — „Молот“. И А. Бегеулов и И. Бутаев разбирают сущность и причины актуальных ныне явлений советской действительности — „великодержавного шовинизма“ и „местного национализма“, пустивших глубокие корни в рядах коммунистической партии.

А. Бегеулов приводит парадоксальное утверждение, что — „В нацпарторганизациях значительно усилился великодержавный шовинизм“ — т. е., иными словами, организации, которые по своему названию и назначению должны были бы быть выразителями и защитниками чаяний окраинного населения, в действительности являются проводниками самого ярого россиского им-

---

*) „Карахалк“ (кабард. большевицкая газета) от 24.I.1929 г.
**) Из постановления пленума (ноябрь 1928 г.) Ц. К. ВКП (б).
***) Хотя идеологически почти никто из них его не воспринимал.

периализма. Горские национальные области переполнены коммунистическими чиновниками, присланными из центра и прикрытыми фиговым листом — партийным билетом члена „нацпарторганизации““. Нацпарторганизации, по определению И. Бутаева, имеют два „сектора” — „сектор национальный“ и „сектор русский“, при чем в руководящих органах последний представлен большинством. Методы управления „русского сектора“ весьма примитивны и знакомы нам по, блаженной памяти, временам царизма. „Нечего церемониться с азиатчиной“, „гнать гололобых лодырей вперед“ — вот принципы, которыми руководствуются, по словам Бутаева, представители только - что упомянутого „сектора”.

Мнение И. Бутаева не является единоличным и тенденциозным. Его подтверждают заявления и тех лиц, которые представляют собой интересы центра, являются, как-бы, оком Москвы, ея доверенными. Даже этих церберов красного империализма коробит чрезмерная разнузданность новоявленных администраторов и заставляет выступать со словами предостережения. В этом отношении особенно характерны слова Клюева, председателя дагестанской контрольной комиссии РКИ, заявившего, что „многие ответственные работники в своем пренебрежительном и высокомерном отношении к коренному горскому населению превосходят даже старых царских чиновников“.*) В результате этого „превосходства”—„обостряется национализм некоторых кругов работников местных“ — как осторожно отмечает А. Бегеулов. Отмечает „местный национализм“, „наряду с великодержавным шовинизмом”, и Клюев. И вот в трактовке-то степени опасности этих двух явлений для современного советского режима Бегеуловым и Бутаевым с одной сторону, а Клюевыми со стороны другой, выявляется та существенная разница, которая творит непреодолимую преграду между упомянутыми двумя секторами „единой” коммунистической партии. В то время как первые считают великодержавный шовинизм „наиболее опасным в национальных областях“, представители „сектора русского” (Клюев) главный вред видят в местном национализме, называя его уже, в свою очередь, „опаснейшим течением“. Таким образом, элементы „султангалиевщины“, от которых не свободна ни одна из существующих нац. парт. организаций, берутся и среди горцев под покровительство виднейшими представителями национального крыла оффициального коммунизма на Сев. Кавказе. В этом акте выявляется тот психологический

*) Из доклада Клюева на пленуме Даг. Обл. Ком. ВКП (б) 13 июля 1913 г.

перелом, который произошел в умонастроениях горских коммунистов и который, без сомнения, будет прогрессировать. Российское общество, будет-ли оно коммунистическим или нет, в силу своей органической природы не сможет отказаться от великодержавных тенденций, исключая этим всякую возможность политического симбиоза с нерусскими народами. Слова Инала Бутаева о том, что „многие русские товарищи своим диким непониманием способствуют разобщенности русской и национальных групп" — никогда не потеряют своей актуальности в условиях анормального сожительства совершенно чуждых друг другу национально-этнических групп, и, при настоящем положении, приведут к разрыву той скрепы, которая под именем „единой" коммунистической партии поддерживает еще разваливающуюся политическую систему советов. Мы уверенны, что общее течение не минует и горских коммунистов и они, в конце концов, очутятся все „в об'ятиях националистической буржуазии" — как образно выразился в своей статье все тот-же Инал Бутаев.

Барас-Бий

Претензии и печальная действительность достижений журнала „Независимый Кавказ"

Первый номер журнала „Независимый Кавказ" вышел в августе 1929 г. В январе 1930 г. появился второй, и, наконец, в августе третий номер.

Оставляя в стороне внешний вид журнала, мы обратимся к содержанию: первый номер журнала скромен, второй — наивен и слаб, а третий — со всеми признаками мании величия.

Мы не будем касаться персональной оценки группы, пытающейся, под ответственной вывеской журнала, выявить свое лицо, свою программу и свои задачи; но мы, отказываясь от этого права в пользу об'ективности, с несомненной очевидностью устанавливаем несуразные приемы журнала, расчитанные на подрыв авторитета основных кавказских организаций, вот уже в течении многих лет осуществляющих идею независимости Кавказской Конфедерации.

Если, повторяю, по выходе двух первых номеров была еще надежда, что скромная группа журнала „Независимый Кавказ" приступит к скромной и посильной работе, то, после выпуска третьяго номера, надежда и сомнение отпали, т. к. вполне выявилась тщательно до того скрываемая враждебность ее ко всем

творческим кавкасским организациям и партиям. Теперь стала очевидной враждебность группы как к общекавкасской солидарности, так и к осуществлению проблемы независимости Кавказа и Кавказской Конфедерации. Не подлежит отныне сомнению и то, что группа „Независимый Кавказ“, на страницах своего журнала старательно подтасовывает факты, пытаясь заменить кавкасские и общекавкасские организации политическим суррогатом.

Попытка останется попыткой и весь этот фарс дискредитирует только группу, среди которых имеются и такие, которые, при некоторой скромности, могли-бы быть полезными в общих рядах Кавкасских патриотов.

Мы весьма снисходительно определяем претензии и проворство некоторых членов группы, и, в доказательство, рассмотрим только те статьи, кои сама редакция рекомендует, как определяющие группу, — ея лицо, ея цели и ея задачи. Таковыми являются передовые статьи, и мы, останавливаясь на рассмотрении передовиц первого и третьего номеров, усматриваем ряд вопиющих противоречий, неувязок, дилетантскую наивность, отсутствие памяти и логики, болезненную манию величия, и все это на фоне прорвавшейся злобы. Во всех трех номерах передовые идут под общим заголовком: „Кавкасские Конфедералисты и их задачи“.

Мы будем приводить утверждения и заявления этой новой группы в их собственной редакции, — дабы стала очевидной ценность их утверждений и их ни с чем несообразных претензий.

Вот что декларируется в первом номере:

„Приступая к изданию“ Независимого Кавказа", мы, Кавкасские Конфедералисты, считаем нужным заявить с первых своих шагов, что выступление наше ни в какой степени не означает и не выражает какого либо расхождения с теми Кавкасскими организациями и органами печати, которые, вот уже на протяжении нескольких лет, ведут борьбу за независимость Кавказа“.

„Мы воздаем им должное и хотим лишь внести свою лепту в эту работу“.....

Через несколько строк снова подтверждается лойяльное отношение к главным действующим кавкасским организациям: — „Ясно, что „Независимый Кавказ" не становится ни в какую оппозицию к тем группам и организациям, которые уже достаточно известны своей борьбой за политическую независимость Кавказа“.

На той-же странице определяется и роль группы:—„Наша

задача заключается в исполнении особой подсобной роли (подчеркн. ред.) для того чтобы содействовать борющимся (группам и организациям) за свободу и независимость народов Кавказа!"...

Вышеприведенные категоричные заявления и утверждения своего отношения к кавказским и общекавказским организациям и своей исключительно подсобной роли, — двух толкований не могут иметь, налагая этим самым на всякое ответственное лицо или группу, отсюда вытекающие обязательства, но, конечно, не на редакцию „Независимого Кавказа", который во всеуслышание заявляет и утверждает, но обязательств и ответственности за свои заявления и утверждения не несет и не берет.

В дальнейших двух частях передовой туманно и многословно очерчивается программа новой группы, сводящаяся кратко к следующему:

„Осуществление Кавказской Конфедерации, которая мыслится нами в составе республик Азербайджана, Армении, Грузии и Горцев Сев. Кавказа, есть задача лежащая на нашем поколении".

„Исходя из такого понимания исторических задач Кавказа, Кавказские Конфедералисты и их орган „Независимый Кавказ" будут стремиться к укреплению и об'единению всей кавказской конфедералисткой мысли".

Первая часть может быть названа платформой, вторая — область фраз и только.

Мысль о Кавказской Конфедерации журнал преподносит как нечто новое, как идею впервые пущенную в оборот редакцией „Независимого Кавказа". А между тем, эта идея, имея источником все наше историческое прошлое, вот уже в течение многих лет, служит основным связывающим элементом политических кавказских партий, во главе с общекавказской организацией, давно уже перешедшей к практическому осуществлению Кавкавсской Конфедерации. Таким образом, не только конфедералистская мысль, но и практика конфедерального сотрудничества и борьбы насчитывает многие годы, тогда как новоявленная группа „конфедералистов" свою давность исчерпывает одним годом и тремя номерами журнала.

Заимствовать страничку чужой программы, ставшей, благодаря пропаганде и деятельности основных действенных кавказских партий и общекавказских организаций, давно общим достоя-

нием не только кавказских масс, но и политической мысли цивилизованного мира, — нельзя назвать ни большим достижением, ни великим открытием новоиспеченных конфедералистов, неистово ломящихся в двери, которые широко открыты еще при жизни и доброй памяти „конфедералистов“ из „Независимого Кавказа“.

Переходя к последней части передовицы, гласящей, с одной стороны, о трудной миссии всеисчерпывающей информации всех и вся, а с другой — о собирании и изучении материалов, а также разработке конституции Конфедерации, — мы должны отметить, что хотя намеченный круг работы не очень громоздок, но все-же весьма почтенен. И при добросовестном отношении к намеченной работе и к торжественно принятому на себя обязательству по мере сил выполнять эту работу, группа могла-бы принести кавказскому делу некоторую пользу. Вот почему при появлении первого номера „Независимого Кавказа“, наш журнал, снисходительно обошедший недобросовестное замалчивание, фразерство и позерство,—выразил приветствие и добрые пожелания.

Но, повидимому, для некоторых элементов группы „Независимого Кавказа“ поговорить о работе, и произвести эту работу — понятия равнозначущие.

Мы до сих пор не видели широковещательной информации „Независимого Кавказа“ ни, к сожалению, в Европе, ни на Кавказе, ни в СССР. За целый год вышло три номера „Независимого Кавказа“, по преимуществу саморекламного характера. Это вся информация группы.

А в это-же время, без шума, действенная кавказская партия и общекавказские организации распространили на многих европейских, азиатских и кавказских языках ряд изданий, журналов, бюллетеней и информационных листов. И это только в той плоскости информации, в которой конфедералисты приняли на себя обязательства.

А когда, с появлением второго номера, с каждой страницы которого несло самообуряющей влюбленностью и открытием передовой очередной „Америки“, вроде: „Кавказская Конфедерация, как всякое другое государство, будет иметь свои границы со всех четырех сторон света“, — мы совсем притихли и, затая дыханье, с трепетом и страхом, ожидали новых открытий, новых истин, преподносимых удивленному и ошеломленному кавказцу неунывающей редакцией „Независимого Кавказа“.

*
* *

Полгода самоуединенных и тягостных размышлений не только не охладили пыл журнала „Независимый Кавказ“, но,

наоборот, придали редакции новые силы, которые не замедлили страницы 3-го номера разукрасить всеми цветами героического эпоса.

И не беда, что последняя передовица в таком жалком и необ'яснимом противоречии с предыдущими. Редакция решительно пришла к заключению, что только ей суждено опекать и благодетельствовать кавказские народы, что только она, толкаемая высшим откровением, способна народы привести к конечной цели. И нет ничего удивительного, что редакция так властно и категорически отмежевывается, размежевывается, отгораживается и разгораживается от „прочих кавказских организаций", которым она еще недавно, кстати и не кстати, клялась в верноподданности и в отношении которых она рассматривала себя группой подсобной.

Теперь мы читаем в последней передовице:

„Мы определили и свое место в этой борьбе (за Кавказскую Конфедерацию), как революционный авангард".

Признаться, дистанция (от подсобной к революционному авангарду) не малого размера, особенно для некоторых, которых мы так хорошо знаем, хотя, конечно, мы понимаем соблазн заманчивости и пленительности этой новой, громкой, боевой клички, которую отныне мы так и запишем за „Независимым Кавказом".

А мы, все-же вам опять напомним, (учитывая, что на этот раз вы не только „отмежуетесь", но прямо отгородитесь китайской стеной) цветистое красноречие ваших первых передовиц: — „Считаем нужным заявить с первых своих шагов, что выступление наше ни в какой степени не означает и не выражает какого либо расхождения с теми кавказскими организациями и органами печати, которые, вот уже на протяжении нескольких лет, ведут борьбу за независимость Кавказа"...

„Мы воздаем им должное и хотим лишь внести свою лепту в эту работу"...

„Ясно, что „Независимый Кавказ" не становится ни в какую оппозицию к тем группам и организациям, которые уже достаточно известны своей борьбой за политическую независимость Кавказа".

„Наша задача заключается в исполнении подсобной роли для того, чтобы содействовать борю-

щимся (группам и организациям) за свободу и независимость народов Кавказа"...

Но, повидимому, на пути от 1-го до 3-го номера память изменила. И если-бы это были русские, то мы назвали-бы их „Иванами-непомнящими", но памяти лишились сородичи, и, посему, мы ограничиваемся удивлением и сожалением.

Приведем и программную аргументацию передовой третьего номера:

„Мы должны это (дать раз'яснение) сделать еще и потому, что помимо нас есть и другие „обще"-кавказские организации и группы, якобы, борющиеся за независимость и в той-же как будто концепции конфедеративного устройства Кавказа"(!!!)

Ах, это красноречие! Красноречие, которое теперь, после приведенных заверений, никак не может связать два полюса, никак не может посторониться, чтобы дать дорогу победоносно шествующему „революционному авангарду", берушему в ковычки вчерашние авторитеты, про которых сегодня так развязно и неубедительно употребляются слова вроде „якобы борющихся", „сродственных", и т. д.

Взять в ковычки все можно, особенно ура-патриотам, которые не понимают, что этим самым они берут под сомнение все кавказское дело, которому честно служат те самые основные ответственные политические кавказские партии и организации, о которых так лестно отзывался в своих первых двух передовицах „Независимый Кавказ". Вне этих организаций остается полтора десятка безответственных политических деятелей, пытающихся создать фикции партий и организаций из комбинаций собственных персон под барабанный бой журнала „Независимый Кавказ". Но эти приемы больше говорят о наивности, чем даже о ловкости, которая пропорциональна поразительной непоследовательности, что уже отмечено нами выше и что не вызывает никакого сомнения, если вспомнить те поклоны, кои отбивались в передовой первого номера по адресу тех, кои в третьем беруться под сомнение и в ковычки.

Не лучше обстоит дело и с последующей частью передовой, которая, выдумывая небылицы, приписывает их „сродственным" кавказским организациям, которых, повидимому, надо искать среди тех, кто не в рядах новоявленных конфедералистов.

Далее, завуалированный выпад группы конфедералистов формулируется так:

„Отбросив всякие надежды на какие либо внешние силы и влияния, кавказские конфедералисты свободны от всех иллю-

зий и в борьбе за освобождение своей страны не строят своих надежд на помощь каких либо стран или международных организаций. Мы опираемся на собственные силы Кавказа и решительно отмежевываемся от всех тех, „сродственных“ организаций, которые питаются химерами, ориентируясь на проблематические, а иногда и безформенные силы вне Кавказа, и ставят себе мировые задачи“.

Красиво! Но только непонятно к чему этот набор крикливых слов и хвастливых фраз, когда действительность, в которой протекают события Кавказа, является только звеном в цепи событий, охвативших весь Восток Европы и в своем ходе влияющих на жизнь Европы и Азии.

Нормальная, государственно-национальная жизнь как на Кавказе, так и на всем Востоке Европы, восстановится в порядке кооперации всех здоровых организационных сил, которым, возможно, предстоит испытать и влияние иноземных государств, со всеми даже вытекающими отсюда последствиями. И работа по кооперации этих здоровых сил и факторов, — работа для направления их усилий на пути правильного разрешения кавкасской проблемы, — является основной работой членов кавкасских организаций, пребывающих заграницей.

В кривом зеркале редакции „Независимого Кавказа“, факторы мировой жизни расцениваются „иллюзиями“.

Мы-же, в противоположность, не считаем здоровые общественные и политические течения и организации цивилизованного мира — иллюзиями. Не считаем парламенты и правительства и, скажем, такую организацию, как Лига Наций — безформенными. И для нас далеко не химеры — политические, общественные и социально-трудовые организации международного масштаба.

Что-же касается учета и расчета на собственные силы Кавказа, — положения, являющегося альфой и омегой программы всякой кавкасской политической организации, — то они должны быть старательно оберегаемы и сохраняемы, на предмет чего и принимаются меры, обеспечивающие от неоправдываемого пролития драгоценной крови. И красивые позы и рыцарские жесты за счет крови и жертвенности кавкасских народов — нами точно так-же решительно отвергаются, как охотно включаются в программу „кавкасских конфедералистов“.

О еще большей легкомысленности и провинциональной театральности говорит первая часть передовой статьи:

„Для нас независимость Кавказа и борьба за

нее — цель нашей жизни; для „сродственных“ нам организаций независимость Кавказа и борьба за нее есть вопрос лишь тактики и индивидуальных соображений. В этом заключается основное отличие „Независимого Кавказа“ от прочих „обще“-кавказских организаций. Таким образом, „Независимый Кавказ“ является самостоятельным фактором в освободительном движении народов Кавказа“.

Группа однолетней давности, и в пределах этого скромного возраста не проделавшая никакой полезной работы, если не считать трех номеров саморекламного характера, об‘явила все партии и организации Кавказа, насчитывающие за собой многолетнюю революционную и государственную работу — целевыми из индивидуальных соображений. Это по меньшей мере бесцеремонно. А после такого эффектного и ничем неоправдываемого выпада, делать ни на чем неоснованный, ни с чем несообразный, и ни из чего не вытекающий вывод, что „Независимый Кавказ“ является „самостоятельным фактором в освободительном движении народов Кавказа“ — говорит за полное отсутствие здравого смысла и логики, даже в масштабе „конфедералистской“ мысли, ибо первая часть приведенного отрывка передовой не имеет никакой связи с заключением, обоснование которого надо искать не в действительности, а в ничем неограниченной фантазии передовика.

Второй отличительный признак передовая усматривает в следующем; — „Вокруг „Независимого Кавказа“ уже об‘единяются все те группы и организации, и отдельные деятели, которые думают о создании независимого Кавказа и которым понятен принцип — Кавказ для Кавказцев“.

В этом заявлении читателю преподносится кавкасская клюква. Всем известно, что ни одна группа, ни одна партия, и ни одна организация, которая имеет право называться политической, в группу „Независимого Кавказа“ не вошла.

И действительно, азербайджанцы отсутствуют даже персонально. Горцы представлены персонально, с тенденцией отдельных лиц прикрыться наименованием несуществующих партий, пытающихся выйти на политическую арену обходными путями, на которые толкнула их собственная несговорчивость и чрезмерная требовательность в вопросе обеспечения командных высот в ответственных кавкасских организациях.

Надо полагать, что об‘единившиеся с журналом „Незави-

симый Кавказ“ армяне, указанные в числе трех, с отметкой принадлежности их к различным „оттенкам“ существующей политической мысли, вошли вне зависимости и ответственности от своих оттенков.

Относительно грузин, вошедших в группу журнала „Независимый Кавказ“ надо отметить, что это люди более определенного лица, хотя и являются членами только одного из течений грузинской национально-демократической партии.

Мы отметили некоторую, и единственную, значительность грузинской группы журнала, но, если принять во внимание, что главное течение грузинской нац.-дем. партии активно сотрудничает с теми грузинскими партиями и кавкасскими организациями, которых редакция „Независимого Кавказа“ пытается дискредитировать, то эта значительность блекнет, ибо они представлены только ветвью одной политической партии, одной из многих остальных.

Таким образом, армяне учавствуют персонально и только с политическим оттенком. Горцы — и случайно, и персонально. А азербайджанцы просто отсутствуют.

При таком действительном положении утверждать, что: — „Вокруг „Независимого Кавказа“ уже об‘единились и продолжают об‘единяться все те группы, организации и отдельные деятели, которые думают о создании независимого Кавказа“ — бахвальство, расчитанное на наивность читателя!!

Чем дальше, тем сильнее разыгрывается фантазия передовой статьи, и в ее третьей части прямо утверждается, что: — „Несмотря на то, что издано всего два номера, но к моменту настоящего издания (3-го номера „Независимого Кавказа) коалицию кавкасских организаций и патриотов вокруг „Независимого Кавказа“ мы можем считать уже завершившейся“.

Из этих строк мы узнаем, что об‘единение кавкасских организаций и патриотов вокруг „Независимого Кавказа“ является фактом уже совершившимся. Что это не просто группа, а целая коалиция кавкасских организаций и патриотов.

Этим очередным блефом трудно кого взять, ибо ни одна настоящая кавкасская политическая партия или организация ни в какой мере не сотрудничает с журналом „Независимый Кавказ“. Если-же считать за коалицию то, что вокруг „Независимого Кавказа“ об‘единились все те, кто, в силу личных капризов или своих непомерных персональных претензий, вышел или не вошел в кавкасские политические партии и общекавкасские организации, — это верно. Но таковых, на десятки тысяч актив-

ных членов кавказских политических партий, едва-ли наберется $1^1/_2$ десятка!...

И в данном случае, исключение представляют только грузины, об отходе которых от работы общекавказской, — мы сожалеем, — точно так как и отдельных горцах, могущих несомненно принести пользу в рядах действующих кавказских организаций.

Искуственна и преувеличенна, конечно, и радость редакции „Независимого Кавказа“ по поводу вхождения в группу нескольких армян: „Мы с удовлетворением отмечаем, что „Независимый Кавказ“ действительно об‘единил в себе всех четырех братьев: — Азербайджанца, Армянина, Грузина и Горца. Это есть существенное отличие „Независимого Кавказа“ от всех других „обще“-кавказских организаций“.

Вот, мол, мы какие молодцы, — мы об‘единили всех! Как я уже отметил, утверждение передовицы не соответствует действительности, хотя-бы уже потому, что на лицо нет ни одного азербайджанца. Что-же касается вхождения уважаемых двух — трех армян, вхождения персонального, ни партиями, ни центром не связанного, — то и тут на лицо непомерная восторженность и театральность, несоответствующая серой действительности, которая далеко еще не говорит за ангажирование Армении.

Но Армении в общекавказских организациях оставлено почетное место, и, если оно до сих пор армянами не занято, то не по вине общекавказских организаций.

Самовлюбленность и мания величия достигают своего апогея в последнем — четвертом, по счету редакции, — определительном признаке:

„Мы стремимся к созданию независимого Кавказа на началах конфедерации, выступающей на международном форуме и охраняющей свои границы, как одно целое. Мы ничего общего не имеем с теми, которые думают, что установление, например, северных границ Кавказа и охрана их — дело одних горцев, или, что то-же, южных границ — дело Армян“. — И дальше добавляется, что: — „В этом понимании задач и смысла Кавказской Конфедерации заключается четвертое существенное отличие „Независимого Кавказа“ от других „обще“-кавказских организаций“.

Повторяя те-же зады элементарнейших понятий „Независимый Кавказ“ в своей ужасающей бедности ничего другого

не находит, как щеголянье чужими словами, мыслями и идеями, давно уже ставшими общими местами, и только для проспавшей все сроки редакции „Независимого Кавказа“ являющимися не только высшим откровением, но даже и материалом, выгодно выделяющим их среди остальных организаций. И нам невольно становится больно за эти безкрылые порывы, за эти потуги мысли, не могущие даже определить свое отличие от других, „обще-кавказских организаций“!!!... Не бойтесь, адресом никто не ошибется!!!...

Мы — действующие и работающие в обще-кавказских организациях, на путях осуществления Кавказской Конфедерации, не стали-бы так легкомысленно и категорически уверять, что уже близок тот час, когда армянин будет умирать, отстаивая северные границы, а горец — южные. Мы, осуществляющие горские идеалы независимости в обще-кавказской конфедерации, даем себе отчет и строим горское дело, устанавливая северные границы с таким расчетом, чтобы при всех превратностях судьбы, мы могли защитить с севера жизненно необходимые горцам пределы. Мы учитываем и тот случай, когда силы наших южных соседей будут прикованы к южным границам Конфедерации.

Вот почему мы, горцы, отказываемся от части своих исконных земель и не проводим границу по линии Мансура, которая не так давно реально существовала и которую безответственные горские деятели обещают языком и пером.

Истории угодно было горцев и армян поставить в более тяжелые условия, но ни Азербайджан, ни Грузия в этом неповинны, и в наших справедливых территориальных границах мы имеем гарантии всемерной поддержки со стороны ответственных политических партий и организаций южных соседей, и таковая-же резервирована и обеспечена Армении.

А строить государство на мечтах и только благих пожеланиях, — мы не имеем права, ибо мы ответственны перед своим народом. И вот почему мы считаем своим долгом дать братский совет горцам, выступающим в „Независимом Кавказе“ — быть скромнее, не вмешиваться в чужие дела и во внутренние взаимоотношения соседних республик и не осложнять тем и без того тяжелых условий, в коих протекает общегорская работа по осуществлению независимости нашей родины. Пути общегорской политической работы для вас открыты, а с ней и обще-кавказский масштаб, — только немного скромности и ответственности, и мы будем с вами плечо о плечо.

Каждая наша, вольная или невольная, ошибка, имеет неза-

медлительные чреватые последствия для нашего бедного, исстрадавшегося народа. Мы должны быть вместе, мы должны отвечать за каждое политическое действие.

Другое дело „Независимый Кавказ“ — журнал на наших глазах за короткое время из подсобной группы выросший в „первенствующую организацию обще-кавказского значения“; из просто революционного не преминул стать „революционным авангардом“, из группы разбух в организацию, из организации в коалицию и, того гляди, что вот еще один очередной №, и наша подсобная группа выростет в коалицию великих держав, а дальше — дальше страшно подумать...

Единственная надежда, что время и суровая действительность, охлодив воинственный пыл, подскажут нео-конфедералистам иные приемы саморекламы, иные пути в несении действительной пользы обще-кавказскому делу.

Рядовой Горец

Ниже мы помещаем статью, присланную нам генералом Микаэлем Халил-Пашей, последним главой правительства Независимой Республики Горцев. Микаэль Халил-Паша стал во главе правительства, сменившего кабинет г. Пшемахо Коцева, который сложил свои полномочия, не смогши справиться с ситуацией, создавшейся в стране. Мы с удовольствием помещаем статью последнего главы нашего правительства и ожидаем от него материалов новых, тем более, что непосредственное участие его в первой попытке создать Независимую Республику Горцев, позволит Микаэль Халил-Паше затронуть недавнее прошлое, которое не может не интересовать всех тех, кто не желает допустить ошибок, уж раз совершенных.

РЕДАКЦИЯ

Магомет-Кямиль-Паша Шамиль

Из воспоминаний Брусского узника

В марте 1930 г. мне пришлось побывать по случаю болезни в Стамбуле, где я имел случай и удовольствие ближе познакомиться и оценить высокие нравственные качества последнего из оставшихся в живых сыновей Великого Имама Шамиля--Магомета-Кямиль-Паши.

В виду исключительно большого, неослабеваемого и до настоящего времени, влияния на наши народные массы легендарной личности Шамиля, этого отважнейшего и мудрейшего вождя и кристаллически чистого идейного борца за свободу народов Кавказа, а так-же живого интереса, проявляемого теми-же мас-

сами при появлении малейших сведений о прямых его потомках, сохранившихся ныне лишь в пределах Турции, я считаю не лишним поделиться с читателями журнала „Горцы Кавказа“ своими впечатлениями о последнем сыне Великого Имама.

Чрезвычайно представительный старик, с окладистой седой бородой, на вид лет около 70-ти, живой и хорошо сохранившийся. В манерах, обхождении и разговоре чувствуется натура мягкая, благородная. Таков внешне Кямиль-Паша, производящий на собеседника чарующее впечатление.

Родился Магомет-Кямиль уже в месте ссылки Шамиля — в гор. Калуге в 1862 г.*) В детстве еще научился говорить на родном аварском языке, на котором хорошо об'ясняется и теперь, но, никогда в жизни не видел ни Дагестана, ни, вообще, Кавказа и знает эти милые его сердцу имена только по наслышке, из безконечных рассказов членов, многочисленной некогда, семьи Шамиля. Увы, из этой тесной, дружной семьи, испытавшей в своей жизни две противоположные крайности — пределы славы и радости, с одной стороны, и печали и отчаяния, со стороны другой, — ныне уже в живых никого не осталось. При воспоминании об этих, перешедших в иной мир родных и близких, лучистые глаза Магомета-Кямиль-Паши покрываются влагой. Но, когда произносятся имена — Гимры, Гуниб, Ириб, Гази-Кумух, Хунзах, Ботлих, Анди и т. д., и высказывается надежда, что он еще увидит и побывает в этих местах, те же добрые до безконечности глаза Кямиль-Паши разгораются юношеским огнем и все его лицо озаряется радостью и счастьем. Из жизни в Калуге Магомет-Кямиль помнит немногое. Уже позднее, из рассказов старшего брата Гази-Магомет-Паши, он ознакомился с несколькими характерными эпизодами из жизни Великого Имама в этом городе. Некоторые из этих эпизодов были мне переданы Магометом-Кямиль-Пашей, а я, в свою очередь в виду их интереса для каждого горца, считаю своим долгом ознакомить с ними читателей единственного горского журнала.

* * *

ИНЦИНДЕНТ С ГУБЕРНАТОРОМ

За время пребывания Шамиля в Калуге, там переменилось несколько губернаторов. Все они были заслуженные военные генералы. После своего прибытия в губернию, каждый из них посещал Имама, одевая при этом полную парадную форму. Посе-

---

*) Мать М.-К.-Паши была дочь Шейха Джемал-Етдина Кумухского — ред.

щения эти совершались под видом оффициальных визитов, но, в семье Шамиля говорилось, что это делается с целью надзора, поверки, „вынюхивания“ атмосферы в доме Имама. Впрочем, с визитами приезжали так-же раза два—три в год, в дни мусульманских праздников, и высшие представители местного общества и чиновного мира. Сам-же Имам, в виду преклонного возраста и перенесенных потрясений, а так-же правильно оценивая свое положение пленного, ни к кому не ездил, приемов никаких не устраивал и от всевозможных приглашений, по возможности, отказывался.

Однажды, новоприбывший губернатор, фамилию которого Кямиль-Паша не помнит, обводя общим взглядом собравшихся для его встречи, спросил — почему среди собравшихся нет пленного Имама Кавказа. Старший из присутствовавших ответил, что Шамиль, как военно-пленный, состоит на особом учете, что он в жизни местного общества никакого участия не принимает, нигде не бывает и что никто из прежних губернаторов этого не требовал. На это новый губернатор ответил: „Напрасно, Шамиль, если не желает, может не принимать участия в общественной жизни города. Но он был обязан присутствовать при встрече нового губернатора“...

Об этом случае Шамилю своевременно и со всеми подробностями рассказали, но он, со свойственным ему большим тактом и сдержанностью, спокойно все это выслушал, ничем не обнаружив, что эпизод сколь-нибудь его обеспокоил или взволновал.

Спустя несколько дней новый губернатор приехал к Имаму в полной парадной форме с оффициальным визитом. Гостя попросили в гостинную и тотчас-же доложили Имаму. Шамиль, по обыкновению, находился в это время в библиотеке. Вызвав из внутренних комнат Гази-Магомета и Магомета-Шафи*), Имам, поддерживаемый под руки обоими сыновьями, вышел к ожидавшему его губернатору. После холодных взаимных приветствий, разговор продолжался стоя, так как Имам не садился сам и не предлагал этого сделать гостю. Губернатор в довольно безтактной форме стал пояснять через переводчика, что „он является здесь представителем верховной власти, т. е., как бы, наместником императора, а потому де Шамиль сделал большую ошибку, что не выехал ему на встречу, и не приветствовал с благополучным прибытием“. Пока переводчик переводил и пояснял слова губернатора, Шамиль заметно волновался. Прежде всего это замечалось по седой бороде его, которая начала постепенно

*) два старших сына Имама — ред.

сокращаться и скоро сделалась почти круглой. Затем, стали сокращаться мускулы рук и под конец речи стали, как-бы, стальными, а старческие глаза вдруг начали метать искры. Все эти признаки сильнейшего гнева, в коем, несомненно, находился Имам, предвещали, обычно, страшную грозу, и Гази-Магомет с беспокойством все чаще и чаще начал смотреть на отца — не зная, как его успокоить и предотвратить неминуемую вспышку. Но, к его удивлению, Шамиль заговорил совершенно спокойно, но голосом твердым и, как бы, отчеканивая каждое слово. Вначале, он обратился к переводчику с предупреждением, что каждое его слово должно быть переведено буквально — без всяких изменений и смягчений. Затем, обратясь лицом к губернатору и пронизывая его насквозь горящим взглядом, Имам отчеканил: „Генерал, ты слишком подробно и хвастливо отрекомендовался и пояснил мне свое значение в этом городе. Но ты, видимо, не из тех генералов, которые получали уроки великодушия и рыцарства у моих мюридов. Поэтому-то ты и не знаешь того, перед кем сейчас стоишь и бахвальствуешь. Так знай-же, что я тот Шамиль, который годами держал в плену таких генералов, как ты"! При этом Имам, неожиданно рванувшись вперед и вытянув правую руку к лицу губернатора, ткнул его указательным пальцем в глаз. После этого Шамиль, не дожидаясь перевода своих слов и несколько успокоившись, вернулся в библиотеку и отсюда выслал обоих сыновей к губернатору, приказав обходиться с гостем — не взирая на только что происшедший инциндент — возможно любезнее и внимательнее. Но гость все время находился в удрученном состоянии, и, как только переводчик окончил раз'яснение слов Шамиля, тотчас-же уехал, отказавшись от обычного в то время чая и достархана.

В тот-же день Имам написал и послал Александру II письмо с описанием происшедшего инциндента и с просьбой — или ему отвести для жительства другой город, или-же перевести из Калуги злополучного губернатора. В скором времени был получен ответ царя с выражением сожаления по поводу допущенной губернатором бестактности и извещением, что губернатор уже вовсе отстранен от должности. Вслед за этим явился и сам губернатор и униженно, чуть-ли не со слезами на глазах, умолял его простить. Кончился инциндент тем, что самому-же Шамилю пришлось еще раз обратиться к императору Александру II с просьбой о смягчении участи злосчастного губернатора. В результате, губернатор вновь был принят на службу и переведен на ту-же должность в другую губернию.

(Продолжение следует)

М. Х.

Оборона Салты

(Продолжение)

Неприятельский авангард, усиленный 2 баталионами, 2 орудиями и 8-ю сотнями милиции, занял к вечеру оставленные жителями и не обороняемые аулы Кечер и Кудали с тем, чтобы на рассвете следующего дня быть разбитым на голову и потерять 2 орудия. Смелая ночная атака Абакар-Хаджи (200 чел. конницы), поддержанная со стороны Дурчи-Дага 150 всадниками Магомет-Кадия Андаляльского заставила противника в беспорядке отойти к главным силам к хутору Силли и потерять, кроме упомянутых 2-х орудий, свыше 600 человек убитыми, раненными и пленными. (Из записок Идрис-Хаджи).

С рассветом 26 июля неприятель уже всеми силами перешел в наступление, пройдя с боем вновь аулы Кудали и Кечер и к вечеру того-же дня остановившись перед аулом Салты. „Тут обнаружилось через лазутчиков, что салтынский гарнизон гораздо сильнее гергебильского и что здесь, как и в предедущем укреплении, горцы решились защищаться упорно, отчаянно. 2 горных и 2 легких орудия поставлены были на высотах над аулом и должны были преследовать своим огнем всякую неприятельскую папаху, которая бы показалась в укреплении". (Кавкасский сборник, том VI, 1882 г.)

С утра 28 июля противник приступил к правильной осаде салтынского гарнизона начав один из редких, даже в истории Кавказской войны, эпизодов. Осада продолжалась 2 месяца и за этот срок незначительный гарнизон аула Салты показал пример беспредельной стойкости и удали, поразивши даже хорошо знающих своего противника русских*).

Неприятель расположил свои силы в следующем порядке:

1 — Правое крыло — 4 баталиона, саперная рота, 6 сотен милиции, 4 горных и 2 полевых орудия, которые устанавливаются против Куппинских высот, занимаемых Кебет-Магомой (500 челов. регуллярной конницы, 400 челов. пешего ополчения и одно орудие).

2 — Центр — 6 баталионов, 2 эскадрона, 8 сотен казаков и милиции, крепостные ружья, 12 осадных, 8 полевых и 2 гор-

*) За отсутствием места я должен ограничиться наиболее характерными эпизодами этой героической борьбы, где горец проявил столько стойкости, как воин, и беспримерной любви к свободе, как патриот. Не лишним считаю отметить, что, не смотря на нашу бедность и скудность в материальных средствах ведения войны, мы, горцы, показали здесь не только исскуство ведения боя, но и исскуство обороны, не уступая в этом противнику. — Полк. Х.

ных орудия — непосредственно против укрепления (Гарнизон: 600 чел. пехоты при 2 орудиях, из коих 100 чел. из отряда Абакар-Хаджи).

3 — Левое крыло — 4 баталиона, взвод крепостных ружей, 4 сотни милиции и 6 горных орудий, выставленных против Хаджи-Мурада (400 чел. регуллярной конницы и 500 чел. Гидатлинского ополчения при одном орудии).

Придавая большое значение левому флангу, т. е. Куппинским высотам, Имам Шамиль приказывает выделить из резерва 300 чел. регуллярной конницы в распоряжении Кебет-Магомы и временно переносит свою ставку на эти высоты. Прибывшее к этому времени Карахское ополчение в составе 300 чел. пеших и 100 конных придается Абакар-Хаджи, что увеличивает его силы до 300 всадников и 300 чел. пехоты. К нему-же придается 500 чел. Гидатлинского ополчения с тем, чтобы он со всеми этими силами занял высоты между Кечером и Гидатлинским мостом, уступом вперед охватывая неприятельский левый фланг. Расположение частей Абакар-Хаджи было настолько удачное, что Хаджи-Мурад придал сюда единственное свое орудие, которое не на шутку начало тревожить врага. Эти-то 1100 человек где регуллярного войска было всего 2 сотни, в реляции нашего врага возросли в „восьмитысячную партию неприятеля, находившуюся под начальством восьми наибов Дагестана“.

Активность Абакар-Хаджи, который ежедневными ночными налетами и перестрелкой держал под страхом не только левое крыло врага, но и главный лагерь, в конец изнурили его. Необходимость держать свои части постоянно под ружьем заставляет русское командование предпринять шаги к ликвидации беспокойного соседства Абакар-Хаджи. Неприятель сосредотачивает особую колонну под командою генерала кн. Аргутинского, в которую входят $5^1/_2$ баталионов, дивизион драгун, 2 сотни казаков, 10 сотен пешей и конной милиции, 6 горных орудий и 2 взвода конгревых ракет — всего около 6000 человек. В полночь с 6-го на 7-ое августа эта колонна выступает с исходного пункта (высоты над аулом Салты) и к рассвету ударяет на участок, занимаемый Карахским пешим ополчением на высотах у Гидатлинского моста. После троекратной атаки высоты были заняты противником. Но утвердиться противнику здесь не удалось. Видя, что части его, расположенные у Гидатлинского моста, подвергаются атаке противника, Абакар-Хаджи, с целью восстановить положение и не быть оторванным от частей Хаджи-Мурата, решается на смелый шаг. Спустившись с занимаемых им Кечерских высот, он с 300 всадников атаковывает главный

лагерь. Лихая кавалерийская атака, правда, не наносит противнику значительных потерь, но, зато, заставляет последнего покинуть занятые им высоты у Гидатлинского моста и отойти к главному лагерю. Это дело, фигурирующее в оффициальных реляциях русского командования под видом „разгрома 8-тысячного скопища горцев“, в воспоминаниях одного из неприятельских-же офицеров получает следующее освещение: „Кроме десяти-пятнадцати тел, оставшихся у нас под ногами, мы взяли семь пленных и один значок“. В результате атаки Абакар-Хаджи, к полудня наши части занимают старые позиции.

* * *

После неудачной попытки разбить наш правый фланг, на третий день, т. е. в ночь с 9-го на 10-ое августа, неприятель группирует на правом своем фланге, против Кебет-Магомы, штурмовую колонну с целью захвата Куппинских высот. Руководит этой операцией сам главнокомандующий. Состав этой колонны был почти аналогичен составу колонны, действовавшей в ночь с 6 на 7 августа против Абакар-Хаджи. В нее входили $5^1/_2$ батал. пехоты, дивизион драгун, 2 сотни казаков, 9 сотен конной и пешей милиции, 2 взвода крепостных ружей, пеший и конный взводы конгревых ракет и 6 горных орудий — всего около 6000 человек. Кроме этого 4 осадных и 4 полевых орудия должны были с рассветом 10 августа открыть по Куппинским высотам беспрерывный огонь. Цель огня была двоякой: отвлечь внимание нашего командования, и, в случае неудачи штурмовой колонны, дать возможность ей отойти под прикрытием огня.

Кебет-Магома, как опытный военачальник и стратег, понял маневр врага. Личной рекогносцировкой на разсвете 10 августа он обнаруживает штурмовую колонну врага и расположение новых батарей. В виду малочисленности оставшихся у него в распоряжении войск — 400 всадников и 150 чел. пехоты (Куядинское пешее ополчение было распущено в виду увеличения заболеваемости холерой) — производит следующую перегруппировку своих частей: оставляет на месте 100 человек конницы и 50 человек пехоты, а с остальными силами. (500 чел. и горное орудие) спускается с Куппинских высот, переходит через глубокую балку и располагается на высоте над самым укреплением Салты, устанавливая там-же и свое единственное орудие. Команду над оставшимися на Куппинских позициях частями принимает Хаджи-Ягья Черкеевский, коему вменяется в обязанность задержать противника до последней возможности, после чего пехоту спустить в укрепление, а самому с конницей присоединиться к отряду.

Неоднократные атаки противника, поддерживаемые огнем 14 орудий, успешно отбиваются горстью защитников и только появление у них в тылу 3 сотен милиции и роты стрелков заставляет очистить позиции. С мужеством отчаяния группа Хаджи-Ягья врубается в густые толпы противника и прочищает себе дорогу к своим. Куппинские высоты занимаются неприятелем, но победа эта стоит ему почти 200 человек ранеными и убитыми. У нас-же „Милиционерами захвачена была одна лошадь, несколько оружия, бурок и других вещей, брошенных неприятелем в торопливом бегстве“*). „Торопливо бегущие“ горцы не оставили неприятелю ни одного трупа и раненого, кроме нескольких бурок „и других вещей“, не представляющих никакой реальной ценности и не могущих повлиять на ход дальнейших операций. Да и само занятие Куппинских высот не принесло ожидаемых результатов, ибо неприятель находился на них под убийственным ружейным и орудийным огнем Кебет-Магомы. Впоследствии, высоты эти переходили неоднократно из рук в руки, но, фактически, потеряли уже свое былое значение, ибо неприятель сосредоточил центр тяжести своей деятельности на непосредственных операциях против Салтынского укрепления.

* * *

После описываемых выше событий, неприятель сосредоточил все свое внимание на Салтынском укреплении. Под прикрытием ураганного огня 22 орудий, неприятельская пехота приблизилась к стенам укрепления и приступила здесь к окапыванию. Утвердившись на высотах против 2 башен, противник устанавливает на расстоянии 20-ти саженей от них 6-ти орудийную тяжелую батарею и приступает к обстрелу укрепления.

Дни от 13-го и по 21-ое августа характеризуются наибольшей силой неприятельского огня и наибольшими разрушениями в ауле и укреплении. За эти дни разрушаются крайняя юго-восточная башня, западная часть аула, прилегающая к башням, и стена между юго-восточной и большою башнями. Одновременно с бомбардировкой, неприятель приступает к проводке двух минных галлерей, долженствующих в укреплении произвести брешь для атакующих колонн. Но, каково-же было удивление врага, когда наши контр-минные работы, производимые под руководством инженера Закарья Чохского, встретились с неприятельскими. Вот, что пишет враг об этом случае: „Никто не

---

*) Кавказ. сборник, том VI, 1882 г.; все дальнейшие цитады приводятся так-же из этого источника.

ожидал и не думал, чтобы наш противник сумел и решился бы вступить с нами в подземную войну; никто не чаял, чтобы ведение нами минной галлереи могло быть ему не только известно, но даже понятно. Как вдруг, случилось обстоятельство, разочаровавшее нас во всех этих продположениях. Горцы ухитрились повести против нас контр-мину, и повели ее так правильно, верно, что в расчетах своих не ошиблись ни на волос. 18 августа, выводя галлерею № 2, мы неожиданно услышали контрминера, который, повидимому, шел из рва, находившегося перед стеной. Противник оказывался, по слуху, лицом к лицу с нами. Тотчас заложен был комуфлет. Но, как видно, контр-минер его предугадал, и, прежде чем мы успели забить его с нашей стороны, он просверлил тонкий простенок, разделявший его от нашей мины, и выстрелами из ружей взорвал его. Весь комуфлет обратился в нашу сторону". Если к этому присоединить и одновременную вылазку 150 мюридов под начальством Ибрагима Карахского, то эффект получился полный. В мгновении ока мюриды были на высотах, где находились 6 неприятельских орудий и баталион пехоты. Неожиданность взрыва и вылазки вызвали в рядах неприятеля панику, и он почти не сопротивлялся. Спасся только тот, кто имел мужество бежать; все остальные погибли под ударами шашек и кинжалов удальцев-мюридов. Потери неприятеля исчислялись в 450 человек (записки Идрис-Хаджи). Удержаться на занятых высотах и использовать захваченные орудия не представлялось возможным, ибо неприятель бросил сюда 3 баталиона пехоты и сосредоточил огонь 8-ми орудий. Заколотив 3 орудия, мюриды вернулись в укрепление, подобрав своих 17 человек раненных и 9 убитых.

Осаждаемые проявляли чрезвычайную активность. Почти не проходило дня или ночи без вылазок с их стороны. Особенно знаменательными стали дни 23 и 24 августа — бои за обладание садами и двумя высотами, находившимися в тылу укрепления. Неприятель следующим образом охарактеризовал эти бои: „Действительно таких двух кровавых дней, какие были 23 и 24 августа 1847 года, в этот период кавказской войны не было. Они знамениты не количеством потерь, не потоками пролитой крови — все это повторялось зачастую — но отчаянною храбростью и одушевлением горцев".

Для занятия вышеназванных высот генералу Бюрно были даны 3 баталиона пехоты, взвод стрелков, 3 сотни пешей милиции и 4 горных орудия. На рассвете 23 августа загрохотали все орудия неприятеля и две штурмовые колонны устремились в брешь между юго-восточной и большой башнями. Атаки этих

штурмовых колонн были отбиты с колоссальными потерями, но цель ими была достигнута. Сосредоточив на себе все внимание гарнизона, они дали возможность генералу Бюрно почти без препятствия спуститься в сады и занять высоты после повторной атаки, оттеснив защитников их (50 человек) к укреплению. Заняв высоты, противник прерывал связь гарнизона с полевыми войсками Имама. Важность их была несомненна и противник всеми силами старался удержать их за собой. К вечеру того-же дня они представляли из себя грозную позицию, покрытую рядом завалов не только по вершинам, но и на покатостях. Гарнизоны их составляли: верхней — 1 батал. пехоты, 3 сотни милиции и взвод стрелков, при двух орудиях; нижней — 1 батал. пехоты на высоте и 2 батал. в резерве. Последняя так-же была снабжена 2 орудиями.

Понимая всю важность потери этих высот, как Имам, так и Муртазали Тилетлинский, начальник осажденного гарнизона, пришли к одному выводу: выбить оттуда противника ночною атакою. Для выполнения этой задачи назначаются Заур-Магомет с 300 чел. регулярной пехоты и таким-же количеством Гидатлинского ополчения, с заданием атаковать верхнюю высоту со стороны садов, и Муртазали Тилетлинский с 230 чел. гарнизона, долженствующий эту атаку поддержать со стороны укрепления. Атака должна начаться по сигнальному выстрелу из пушки. Общее командование принимает начальник гарнизона, Муртазали Т.

Ровно в 8 часов грянул сигнальный выстрел и одновременно с двух сторон атакующие бросились на штурм передовой высоты. Каждый воин сознавал всю важность возложенной на штурмовые колонны задачи. Необходимо было умереть или-же завладеть высотою. Ни картечный огонь двух орудий, ни ружейная стрельба, ни град камней, скатываемых на головы, не могли ослабить, ни тем более, остановить мощность удара. Передовые неприятельские роты (2), занимающие завалы на скатах, были смяты и на их плечах наши части ворвались в верхнее укрепление. Вот как описывает неприятель этот момент: „Роты попятились кверху, отступая на штыках. Горцы, как снеговая лавина, стремились за ними. Солдаты искали спасения за завалами. Но ожесточение мюридов, одушевлявших толпу своими возгласами („толпа“ — это 300 чел. ополчения — полк. Х.), не знало пределов. Не обращая внимание на огонь милиционеров и несколько оправившихся солдат, они, закрывши глаза, наперерыв друг перед другом, лезли на наши завалы с обнаженными шашками и кинжалами. Полетели камни, посы-

палась земля — и вся масса горцев ворвалась внутрь нашего верхнего укрепления. Устоять было немыслимо, невозможно, тем более, что высота была атакована с трех сторон. И роты, и милиционеры бросили высоту, быстро очистили ее и стали отступать к низовому укреплению, под прикрытие его орудий".

Заняв верхнюю высоту и укрепив ее за собой, Заур-Магома, наскоро собрав около себя до 500 человек, бросился вслед за отступающим противником. Никакие силы уже не могли остановить воодушевленных горцев.

„Масса неприятеля (500 человек! — полк. Х.) — пишет все тот-же очевидец из вражеского стана — сошла с высоты, опустилась с отлогостей и кинулась по пятам наших героев прямо к нижней высоте. Картечи и залпы ружей встретили его в упор. Но это не остановило атаки. Еще более одушевленные только-что схваченным налету успехом, мюриды во главе своих партий совсем опьянели, очумели. С ожесточением бросились они на бруствер, посылая пули, швыряя камни в головы солдат".

Более получаса длился тут рукопашный бой; горцы были в укреплении, на брустверах и на орудиях. Бой был слишком не равен и подоспевшие резервы противника, ввиде 2-х баталионов, решили его судьбу. Наши части были оттеснены. К этому времени с верхней высоты к месту боя подоспел сам Муртазали Тилетлинский с 200 мюридов. Приведя в порядок находящиеся здесь части Заура-Магомы, он менее чем через полчаса возобновил атаку нижнего укрепления, гарнизон которого к этому моменту уже дошел до 1500 человек. Ни одна тактика и ни один устав не предусматривают ничего подобного. Атаковать укрепленную позицию, силами в $2^1/_2$ раза меньшими от защищающего ее гарнизона, могут только войска не только дисциплинированные, но и сильные духом, проникнутые полным сознанием, лежащего на них долга. „Менее чем через полчаса — пишет неприятель — снова раздался раздирающий душу гик и масса неприятеля (?!) вновь кинулась с трех сторон на укрепление, сопровождая свою неистовую атаку пулями и грудами камней. Отчаянный бой разгорелся с прежним ожесточением. Толпы(?!), не разбирая препятствий, кидались, как ошалелые; как волны разбиваются о гранитную скалу, так разбилась вторая атака об одушевленную, живую преграду. Горцы отступили вновь. Мы опять живо подобрали своим убитых и ранненых, очистили бруствер, хорошенько пробанили орудия, зарядили их картечью, освежили ряды и ждали новой атаки. Она не замедлила и промежуток был короче предедущего — как будто горцы этими быстрыми нападениями хотели поскорее обессилить нас.

Опять, кроме орудийных, не раздавалось ни одного выстрела. Схватка началась и продолжалась на холодном оружии. Озлобленные предедущими неудачами, мюриды не знали границы своему ожесточению и истощили все дикое, азиатское геройство, чтобы ворваться в укрепление. Но увы! С негодованием, с бранью, масса горцев отступила, послав в укрепление несколько последних залпов. Теперь могло казаться, что горцы уймутся — по крайней мере надолго, потому что повторять нападение было сверх человеческих сил. Мы опять привели себя в возможный порядок, и тут только, к большому огорчению, заметили, что убыль наша велика, что орудийных зарядов мало, и что, вообще, положение становиться критическим. По садам продолжала громить наша артиллерия все по прежнему, но едва-ли она могла составить для злополучного низового укрепления какую-либо подмогу, потому что не обезумели-же горцы совсем, чтобы три часа сидеть там под ея выстрелами.

Да, именно три часа, так как было уже одинадцать часов ночи. На этот раз затишный промежуток времени уже продолжался до 30 минут".

К этому моменту на место боя подоспевают высланные Имамом спешенные 500 человек регуллярной конницы из главного резерва под командою Хаджи-Мурада, которые проходят, именно, по тем садам, которые громятся неприятельской артиллерией. С подходом подкреплений, наши части вновь переходят, в четвертую уже по счету, атаку, увенчавшуюся успехом, хотя, правда, и временным. Мы вновь предоставляем описание этой атаки противнику.

„Тогда эти сотоварищи, — пишет он — ободренные таким пособием, вновь сомкнулись под укреплением и уже с криком, далеко не безотрадным, в четвертый раз на этом пункте бросились на штурм. Чуть только раздался их первый возглас, картечь двух орудий разорвала толпу на несколько частей. Она смешалась, но тотчас сплотилась и удвоила натиск. Второй залп взвода орудий, на расстоянни не более десяти саженей от неприятеля, был еще удачнее, был вполне страшен, хотя картечь и не успела рассыпаться. Но каково-же было общее удивление, когда эти четыре выстрела ни мало не остановили горцев, и они, не дав зарядить орудия, в числе нескольких человек, очутились на бруствере и у лафетов. За этими дерзкими пионерами ломила вся масса—и снова кровавый бой закипел по линии укрепления".

Неприятель сосредотачивает на нем огонь 5-ти батарей и через полчаса бросает в атаку 3 баталиона. Невыносимый огонь 5-ти батарей, сосредоточенный на небольшом пространстве,

заставляет наши части бросить только что взятое укрепление, которое только после этого занимается атакующей колонной противника. При отходе нами заколачиваються оба орудия. После этого с нашей стороны следуют еще 2 атаки на укрепления нижней высоты, кончающиеся неуспехом. Взошедшая луна позволяет противнику уточнить пристрелку и он создает на подступах к укреплению, буквально, стену из ядер и гранат. В результате этого боя в наших руках остается только верхняя высота. Правда, цель не достигается полностью, но, все-же, противник еще раз убеждается, что победа, если ему и достанется, то с большим трудом. О том, какое впечатление оставил этот бой в рядах врага, наилучшим образом свидетельствуют нижеследующие строки: „Нельзя однако, не дать должной справедливости и нашим врагам: драться так, как дрались они в эту знаменитую ночь — выше всякой похвалы, достойно лучшего поучения. Так могут и так должны поступать только люди, проникнутые своим долгом, вполне сознающие его, развитые и созрелые для этого сознания".

На этой ночной операции и действиях наших войск я остановился дольше чем следовало, приводя часто в подтверждение цитады из неприятельских источников. Я этим хотел показать, как часто враг прибегал к сознательному искажению истины, применяя к нашим войскам эпитеты — „скопище", „толпа", „хищники" и т. д., и, как, когда действительность исключала всякую подтасовку фактов, он вынуждался воздать своему героическому противнику должное. Я думаю, что все вышеизложенное является достаточной иллюстрацией для того, чтобы опровергнуть лживость многих русских сообщений и показать, что нашими частями руководила беззаветная преданность идее Независимости, которая ими отстаивалась с сверхчеловеческим мужеством.

(Окончание следует)

Полк. Хурш.

Очерки Республики Горцев Кавказа

ВВЕДЕНИЕ

(Продолжение).

Имам Шамиль был не только руководителем и вдохновителем — он был и созидателем.

„Как администратор, Шамиль был одной из гениальнейших личностей XIX века“ — говорит о нем историк А. И. Лавинцев. Он разделил все свои владения на административные единицы— наибства и во главе каждого поставил верного, испытанного человека; малейшее отступление от законности жестоко наказывалось, хотя-бы провинившийся был ближайшим другом Имама. Одной из лучших его мер было урегулирование дел о кровомщении. Приведя в должный порядок гражданскую и духовную часть, Имам Шамиль деятельно организовывал и часть военную. Все свои войска он разделил на полки, каждый по тысяче человек, полк делился на два баталиона, баталион — на пять рот или эскадронов, рота — на два взвода и каждый взвод — на пять капральств. Начальники всех этих частей имели особые знаки отличия, состоявшие из небольших серебрянных пластинок разной формы.

В первое время Имам Шамиль страдал отсутствием орудий но, современем, этот пробел был заполнен: частью захваченными русскими пушками, частью теми, которые были отлиты в ауле Ведень, сделавшимся первой столицей Имама.

Однажды к Имаму Шамилю пришел некий Хидатли-Магома, отливавший снаряды, и предложил сделать пушки из кожи и железных полос, причем ручался головой за их прочность. Но Имама не прельстила эта идея. „Пожалуйста, брат, — ответил он ему, — не хлопочи о твоей пушке: и голова твоя мне дорога, да и не хочется мне, чтобы русские над нами посмеялись и назвали нас с тобой дураками“.

В первое время войны у горцев не было чугуна для ядер в достаточном количестве и они собирали русские ядра, иногда даже в минуты горячих боевых схваток; случалось иногда, что несколько человек бросались вслед за катящимся ядром и каждый старался поймать его раньше товарищей. Собранные снаряды переливались по калибру пушек и при первой—же схватке отправлялись обратно в русские ряды.

Имам Шамиль организовал так-же финансы, укрепил и без того неприступные горы, построив ряд отличных крепостей. Он строил мосты, прокладывал дороги, организовывал пороховые и литейные заводы и т. д., и т. д. Имам Шамиль, создав государственную систему, вдохнул в нее жизнь и заставил государственный аппарат итти полным ходом. При нем никто не оставался без дела, всякий обязан был исполнять посильную работу. Таков был всеоб‘емлющий гений Великого Имама. Мрачные горы и суровые скалы Дагестана, непроходимые горные тропы, блеск южного солнца и близость вечно рокочущего моря воспитали в Имаме Шамиле то чувство независимости и свободы, которым отличаются вообще все горские народы Северного Кавказа. Его сподвижниками были люди, воспитанные так-же, как и их Имам. Они были горды тем, что умели стойко защищать то, во что верили и что любили больше жизни. Это они создали эпопею Кавказской войны и это их слава до сих пор воспевается потомками.

Имя великого Имама Шамиля вместе с именами его сподвижников повторяются с умилением всеми горцами и их образа своим величием и своей неотразимой силой пленяют живое воображение молодежи.

Иную картину представляет противник.

Руководимый грабительскими инстинктами захвата, он представлял из себя, в большинстве, отбросы русского общества. В кавказской армии, действовавшей против горцев, находили приют все те, кто по своим моральным качествам не мог быть терпим в тогдашней русской среде. И ныне, когда я вспоминаю деяния большевиков, нашу Родину, вновь обильно орошаемую кровью братьев-горцев, меня поражает разительное сходство между временем Ермоловых, Граббе, Баклановых и теперешним состоянием многострадальной Отчизны нашей. Вновь для русских палачей настало праздничное время. Это не расправа за обиду, не месть за попранное право, — нет! Это — торжество изголодавшейся похоти, наконец, нашедшей свое удовлетворение. Азарт, с которым большевики производят массовые аресты среди горцев, судорожное ожесточение, с которым хватают заложников, находящихся в самом отдаленном родстве с предполагаемыми контр-революционерами — все это воскрешает времена Кавказской войны и, в наши дни, разгул Деникинских банд.

Во все времена, в приложении ко всем угнетаемым народам, Россия об‘ясняла свой разбой соображениями „благоденствия сих народов“. Из уважения к пониманию культурным ми-

ром понятия добра, я не стану распространяться на эту тему; день освобождения не за горами — история сама пред'явит вексель к уплате.

Недаром, во все времена в европейских журналах Россия изображалась во образе хищных зверей, олицетворяя дикость и необузданность анархической натуры русской народной массы.

Эта вполне справедливая оценка Европой души русского народа сохраняет свою силу и в наши дни. Газета „Последния Новости" за № 2913, от 14 марта 1929 года, на второй странице приводит интересные данные по этому вопросу:

„В Париже недавно происходило торжество установления мраморной доски на старом доме, где некогда жил Домье. Парижские газеты июльской монархии и второй империи сохранили множество злых каррикатур талантливого французского художника, посвященных России.

И тирады левых ораторов, и католический пафос Монталамбера, и политическую ненависть левых и правых к николаевской России — все передавал Домье своим смелым и насмешливым карандашем. Из множества мотивов, излюбленный вариант Домье — русский людоед, „огр", огромное чудовище человекообразной формы. Чудовище то пожирает Европу, то готовится броситься на нее, то избивает ее огромным кнутом. На других рисунках — об'единенная Европа справилась с монстром; людоед связан, обезоружен и молит пощады у европейских государей... В последнем номере журнала „Пан-Европа" появилась статья за подписью Отто Дейтша — „Россия и мы".

Отто Дейтш прав, когда пишет о своеобразной психике советских вождей, с которыми европейцам никогда не сговориться. Но, начав с советского правительства, автор переходит непосредственно на „Россию", отождествляя нынешнее русское правительство с русским народом, с Россией. Оказывается, — пишет далее газета, — что и тогда, когда Россия изменит нынешний политический строй, когда в Москве станут у власти другие люди и другие силы, все равно — „Россия без всякаго сомнения сохранит во вне маску большевизма", и потому европейские государства не должны успокаивать себя „иллюзией того, что советская власть будет сброшена или внутренним разложением или вооруженным восстанием". Автор считает „советской" — всякую Россию; для него Россия останется „советской" даже после свержения большевиков, останется постоянной угрозой европейскому миру и спокойствию! Более того, — именно после коммунистической диктатуры Россия станет особенно опасной для Европы".

Только глубокий знаток психологии русского народа мог дать такую оценку роли этого народа в истории будущего Европы. Действительно, у русского человека нет осознанного понятия гражданственности и мирного труда; русский человек сжился с „дубинушкой" и только стальные цепи да крепкие замки могут удержать его „широкую натуру" в надлежащих границах.

Миру нужно и должно знать — какой зверь таится в душе этого „людоеда", мастерски изображенного Домье. Сумеет-ли русский народ отчитаться в своих жертвах, хотя-бы только за этот революционный период?! Содеянному злу, этим жертвам нет числа.

Но на совести России не одни только эти жертвы. Длинный ряд столетий ея исторического пути залит кровью, покрыт трупами миллионов невинных жертв, пестрит проявлениями необузданной, необ'яснимой жестокости, которая, пожалуй, ярче всего выявилась во время кавказской войны, в борьбе с горцами.

Приказы „героя" этой войны — Ермолова пестрят разбойничьей терминологией: „уничтожай", „жги хлебные поля", „грабь и предавай пламени аулы", „не щади пленных" и т. д. и т. д. Все это и многое другое говорит о том, что в Кавказскую войну русские императорские войска не в меньших размерах занимались разбоем и грабежом на Родине горцев, чем нынешние агенты „рабоче-крестьянского правительства".

И горцы, конечно, по-прежнему будут бороться с ненавистными пришельцами со всем ожесточением, которое вызывается беспримерным насилием и профанацией национальных прав оккупантами.

Война горцев с русскими за вольность своей отчизны — это, то большое сердце народа, в котором были сосредоточены все нити любви горцев к Родине своей, гнев против тех, кто дерзнул посягнуть на природный дух их, не терпящий рабства.

Война эта в прошлом выявила всю мощь горского духа, „явилась беспримерной в истории" и создала прекрасный образец для борьбы горцев за свою свободу в будущем.

(продолжение следует)

Ибрагим Чулик

К вопросу о северных границах Республики Горцев Кавказа
Республики Горцев Кавказа

(ОКОНЧАНИЕ)

КАЗАКИЯ.

В виду того, что по схеме Г-на Билого, принятой журналом „Вольное Казачество", территориальная программа Союза Казачьих Войск носит империалистический характер, с границами крайне нереальными, — мы постараемся наглядно показать опасность для казачества такого устремления, и, со своей стороны, выскажем наши соображения по вопросу действительных возможностей Казакии.

В основу С. К. В. ложится Дон, исконная казачья земля, право на которую никто не станет оспаривать. Дон по старому административному делению, граничит на севере с Саратовской губернией, на сев.-западе с Воронежской губернией, на западе с Украиной (граница определена договором), на востоке, в виду важности водного пути р. Волги и невозможности выделения южного языка Сар. губ. в пользу русских, между двумя государствами, Доном и Республикой Туркестана, Донская область подойдет прямо к Волге, т. е. Царицынский уезд Саратовской губ. отойдет к Дону. Далее, на юг, к Дону, возможно, примкнет: — Кубань, Ставрополье и на юго-востоке Калмыкская автономная область.

Правда, нам еще не ясно, куда предпочтет войти Ставрополье при „великодержавной" постановке вопроса казаками. Калмыки-же, при предпочтении вхождения в Казакию, очень быстро потеряют и земли и свою самобытность. Едва-ли окончательно решен и вопрос вхождения в Казакию Кубани, при наличии представительства независимой Кубанской Республики.

Но мы эти вопросы пока оставляем в стороне и обратимся к изучению восточной границы Казакии.

По схеме г-на Билого, к Казакии на востоке отходят Астраханская губ., Уральская обл. и Оренбургская губ.

В виду того, что области эти при старом режиме считались казачьими, посмотрим, как они стали таковыми, и соответствует-ли это наименование действительному содержанию. Профессор Жукович в редактируемой им книге — „РОССИЯ ПОД СКИПЕТРОМ РОМАНОВЫХ" — отмечает:

„Уже в 1731 г. киргисские орды, кочевавшие в привольных степях восточного Урала, перешли в подданство России. Чтобы

следить за новыми подданными, на границе Киргисской степи выстроен был городок-крепость Орск, а в 1744 г. — Оренбург. Башкиры, недовольные постройкой этих городов, попробовали поднять бунт, призывая себе на помощь кубанских татар; но и те, и другие скоро были усмирены. Чтобы отрезать башкир от киргиз и не дать им, в случае бунта, действовать сообща, — по обе стороны от Оренбурга, по всему течению Урала, от верховьев реки до моря, выстроена была новая линия крепостей. Казачьи полки, поселенные вокруг этих крепостей, образовали новое Оренбургское войско. Под прикрытием оренбургской линии, северная половина теперешней Самарской губернии стала быстро заселяться русским земледельческим населением".

Дальше, в той-же книге отмечается:

„Только в 19-ом столетии, в царствование Александра Первого, приняты были меры к более действительному подчинению русской власти всех киргизов. В степях, на удобных местах, построены были укрепления, вокруг которых образовались русские поселения. Постепенно, русская власть распространилась на все громадное пространство, занятое теперь Уральскою, Тургайскою, Акмолинскою и Семипалатинскою областями".

Следовательно, казаки не имеют исторического права и не могут добиваться обладания названными областями на основании этого права. Они могут претендовать на них лишь при условии абсолютного преобладания своего населения, которое даст им возможность обосновать некоторые притязания.

Поэтому рассмотрим край с точки зрения демографической статистики.

При рассмотрении этнографического состава населения Астраханской губернии, необходимо обратить внимание на географическое его распределение. Здесь мы видим, что русское население занимает, главным образом, приволжские и прикаспийские районы, тогда как обширные степи между Восточным Манычем, Кумой и Волгой, заняты калмыками, татарами и киргизами, между Волгой и Уралом — только киргизами.

Население Астраханской губернии рассматривается (в старых административных границах на основании табл. 3-ей г. Билого) так: берется сумма населения под рубриками, — 1) Земли Войска Астраханского и Калмыцкого, — 2) Киргисская степь бывшей Астраханской губ., 3) Царевский и Черноярский уезды.

Тогда для 1897 г. получаем следующие данные:

ТАБЛИЦА № 10 (в тысячах).

Народности	Великороссы	Украинцы	Татары и Киргизы	Калмыки	Прочие	Всего
Количество	412,5	130,8	302,4	137,8	20,1	1003,6
%	41,1	13,0	30,2	13,7	2,0	100%

Но надо иметь в виду, что в вышеприведенных графах казаков всего: — 18.316 ч., что составляет немного более 2%.

Теперь рассмотрим ту-же территорию по данным 1925 г., приводимым так-же г. Б. Население ея в этом случае возростает и доходит до 1149.7 тысяч чел., что в сравнении с данными 1920 г. дает прирост в 5.7%.

Следовательно, если принять эту поправку, казаков в 1927 г.*) — максимум 21.000, или 1,8%, В это число калмыки не включены, как этническая группа с казачеством ничего общего не имеющая.

Итак, казаки занимают положение ничтожного меньшинства и решение судьбы территории Астраханской губернии будет менее всего зависеть от их претензий.

Таково положение в Астраханской губернии. Теперь перейдем к рассмотрению казачьих претензий в Уральской области.

Население Уральской Области в 1897 г.

ТАБЛИЦА № 11 (в тысячах).

Народности	Татар и Киргиз	Казаков	Русских	Прочих	Всего
Количество	477,9	114,1	49,1	3,8	645,0
%	74	18	7,5	0,5	100%

В 1920 г. всего населения — 628.9 тысяч; казаков — 18% или 113.000 ч.; в 1926 г. — 681.8 тысяч под рубрикой Земли Войска Уральского, где всех славян 35,2%; в 1927 г., к сожалению, нельзя установить точного распределения населения в территории, так как не приводятся данные по уездам.

Тем не менее, всех уральцев казаков в 1927 г. не может быть больше 120.000, т. е., при предположении весьма высокого прироста в 6%, казаков в Уральской области окажется 17,6%.

---

*) Т. е. по данным таб. № 3 г. Б. к 17 дек. 1926 г.

А если принять во внимание нецелесообразность отделения Астраханской губ. от Уральской, то результаты для казачьих статистов получатся еще более печальные, ибо при общем количестве населения в 1927 г. в 1831,5 тысяч, казаков — 141 тысяча, что составляет 8%. В этом случае и количество коренного туземного населения окажется значительным, преобладающим большинством—т. е. 60% Все-же прочее население — казаки, великоросы и украинцы не превысят остающиеся 40%. В настоящих условиях так-же не приходится говорить о казачьих претензиях. Это плод чрезмерной фантазии.

Наконец, в Оренбургской области всего населения казачьего и не казачьего:

ТАБЛИЦА № 12.

1897	1.600.000	Казаков	465.000	23%
1920	1 538.000	„ — „	352.000	23%
1926	1.553.400	„ — „	370.000	23,8%

Если даже допустить, что казаки пострадали наравне с остальным населением за время войны и революции, и что прирост с 1920 — 1926 г. равен 5%, то оренбургских казаков в 1927 г. окажется 370 тысяч, как максимальный предел из общей суммы 1.553.400., или 23,8%.

Наши данные значительно расходятся с вычислениями г-на Билого, который свою таблицу 1-ую не согласует со всеми важными характеристиками движения населения в казачьих землях, им-же приведенных на страницах журнала В. К. № 21. В этом причина разницы окончательных цифр.

Следовательно, статистические условия таковы, что и по демократическому принципу большинства, казаки не имеют основания претендовать на это земли.

* * *

Переходя-же к оценке притязаний В. К., мы прежде всего подчеркиваем отсутствие у них какого-бы то ни было права на эти земли, ибо казачество было вселенно сюда вооруженной русской силой, которая для закрепления этих земель и поставила казаков в доминирующее положение, — что, видимо, и вводит в заблуждение некоторых Вольных Казаков. Само собой понятно, что доминирующее право, поддерживаемое только силой России, утрачивается как только эта сила пала.

Как показала вышеприведенная статистика, претензии казачества на обладание этими землями по принципу большинства, еще менее обоснованы и будучи совершенно несостоятельными поражают своей безцеремонностью и, по крайней мере, смелостью.

Для понимания причин, создавших этот своеобразный „империализм“, — обратимся к истории. Здесь мы увидим, что подавление инородцев Россия проводила и поддерживала, главным образом, при помощи казаков. Казаки являются забойщиками русской экспансии, они вселялись в захваченные области и, как военные колонизаторы, получали узурпационно-доминирующее положение.

Эта практика, прививаемая в течении веков, выработала у казаков особую психологию, которая, конечно, не изживется сразу.

Искуственная фаворизация со стороны России привела казаков к курьезам распоряжения чужими землями на весьма загадочных основаниях: — казачьими землями оказались не только те земли, кои номинально были таковыми, в силу вышеуказанной политики русского правительства, но даже и те, которые таковыми не были.

Первые имели хоть небольшой процент казаков, как Кубань, Астрахань, Урал, Оренбург, — вторые-же, — Черноморская и Ставропольская губернии совсем не имели казачьего населения.

Однако, для вышеуказанной психологии, это странное положение не вызывает никаких сомнений, ибо всем не казакам при ней отводится второстепенное, подчиненное значение.

Поэтому территориальная программа г-на Билого, хотя разработана с недостаточной основательностью, все-же вполне отвечает этому казачьему мировоззрению, являющемуся пережитком невозвратимого прошлого.

При демократических принципах, такие представления казаков об их правах, по меньшей мере, кажутся странными.

В особенности парадоксально то, что казаки, якобы, стремясь защитить себя от московских поползновений, в то-же время признают за Москвой источник права („Москва дала казакам Кубань и назвала ее казачьей“.., и т. д.).

Казалось бы, что с падением силы, осуществлявщей насилие, устранилось и это особое „право“.

В данное время, великодержавное положение казаков относится к печальным воспоминаниям русской империи и никто из самоопределяющихся народов не будет считать себя чем либо в этом отношении связанным. Мы уверены, что своеобразный

казачий империализм представляет собой переходное явление в развитии казачьей идеи, отвечающее этапу болезненного романтического национализма казаков. Со временем, когда они ближе столкнутся с суровой действительностью, им придется искать более реальные формы для осуществления своих идеалов; в противном случае, независимость казачества миф.

О том, что Москва без ожесточенной борьбы не уйдет с захваченных ею позиций — говорить не приходится. В этой борьбе казачеству жизненно необходимы союзники, без коих невозможно освобождение казачества. Однако, при настоящей территориальной программе казаков, горцы не могут вступить в согласованные с казаками действия, так как они в первую очередь должны освободиться от посягательств „Вольного Казачества". — В виду претензии „В. К." и на значительную часть территории народов Туркестана, едва-ли можно допустить кооперацию сил последних с казачеством в борьбе на севере, во всяком случае не прежде чем будут разрешены их ґраницы с казаками. Это неумолимое противоречие особенно наглядно явствует, при рассмотрении территориальной программы В. К. с точки зрения внутренно-государственной, свидетельствующей о легкомысленности авторов, осмеливающихся выступать, да еще „научно" обносновывать, подобного рода нелепые проекты.

Предположим, казачеству удалось осуществить намечаемые им границы государства. Тогда, по таблице III-ей Билого, всего населения в Казакии—11.705.900 ч., из них казаков по нашим вычислениям:

Донцов	1.225.000.
Кубанцев	1.250.000.
Терцев	240.000.
Калмыков	111.400. *)
Астраханцев	21.000.
Оренбургцев	370.000.
Всего	3.337.400 или 28,4%.

Что этот процент весьма близок к истине, мы убедились на основании следующих сопоставлений:

По статистике 1897 г. (см. табл. III г. Билого) — всех казаков шести европейских казачьих войск было 2.489.427 (с калмыками — 2.670.427), при общей сумме населения равной 9.111.200, или казаков 27,3% (с калмыками — 29,3%).

В 1913 г. всех казаков — 3.623.000 (с калмыками — 3.823.000)

*) Если калмыков учитывать казаками.

или 27,7% (с калмыками — 29,9%), при общем числе населения — 13 061.800. Наконец, в 1920 г. всего населення—10.098.000, казаков по нашему вычислению 3.041.000 (с калмыками—3.146.000), или 30,1% (с калмыками 31,2%). Относительное увеличение казаков с 1913 г. по 1920 г. — исключено, в виду особо неблагоприятно сложившихся для них событий. Так как точных данных о числе казаков в 1920 г. нет, то мы пользовались исчисленными приближенными цифрами, которые, как видно, являются все-же преувеличенными в пользу казаков. В результате приведенных соотношений, можно утверждать, что казаки в рассматриваемой территории ни в коем случае не могут составлять и 30% (у Билого — 42,6%). Приведенный нами выше процент казачьего населения в 1926 г., равный — 28,4%, на основании изложенного надо считать весьма точным.

Нужно ли доказывать, что при таком малом основном ядре и такой огромной территории, Казакия не сможет существовать!...

Г-н Билый по своим „вычислениям" получает 42,6%, однако, эта цифра определена ошибочно (см. наши вычисления). В. Казаки тоже ясно понимают эту слабость будущей Казакии (см. „В. К." № 23). — „Каковым в будущем казачье государство не было-бы, оно не мыслимо при враждебном отношении к Украине". — Мы добавим — и к горцами и Туркестану.

Для создания устойчивого большинства, как средства для консолидации Казакии, в № 23 „В. К." дается рецепт — „В содержание казачьей идеи настоящего входит и оказачивание в государственно-политическом смысле всего населения казачьих земель, при условии сохранения за ними полной равноправности всех племенных и языковых особенностей".

Надо отметить, рецепт довольно туманный: — что такое оказачивание при равноправии всех племенных и языковых особенностей?

Если понимать оказачивание, как механический акт наделения всего населения одинаковыми правами и обязанностями в духе прежнего казачьего социального уклада (приписка к казакам), то это будет просто демократизация каз. земли, и она не создаст необходимого большинства.

Если-же понимать оказачивание в смысле традиционно-культурном (психологическом), то для этого необходимо: во-первых, наличие высокой культуры и способность ея конкурировать с иными источниками, имеющими для оказачиваемых первоначальное значение (тем более, что г-н Билый не находит возможным выделить казаков из группы великороссов), и, во-вторых,— время и желание оказачиваемых.

Так как эти меры весьма проблематичны и не сулят ничего доброго казачеству, оно вынуждено будет искать новых путей и новых форм для конкретизации идеи независимого бытия,и тут, прежде всего, казачество придет к пересмотру своих отношений с соседями, и к необходимости уважения и признания их прав.

При выполнении этого условия казачеством, отпадут препятствия для предстоящей совместной борьбы, а, с другой стороны, в большей мере обеспечится внутренне-государственная устойчивость будущей Казакии.

При наличии-же империалистических тенденций Вольного Казачества, несуразно претендующих на чужие земли, у нас неизбежно растет сомнение в устойчивость казачьей государственности даже в пределах его исторических земель, где также далеко не все благополучно.

На Дону, не считая Царицынский и Черноярский округа:— 1.225,0 тысяч казаков, 1219,9 т. великороссов, 1215,4 т. прочих. На Кубани 64,5% населения неказачьего, из коих часть украинцев. Из общего числа казаков — 40% также украинского происхождения. На пути установления независимой государственности у казаков много своих домашних препятствий, на разрешение коих и надлежало-бы им обратить все свое внимание и не пред'являть ничем неоправдываемых претензий на территории соседних народов.

При установлении добрых отношений с соседями, казачество могло-бы осуществить свою независимую от Москвы государственность, в скромных, но отвечающих ее действительным интересам, границах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение, мы, исходя из реальных условий, политических, этнографических и географических Черноморско-Каспийского бассейна, вынесли по поводу претворения в жизнь идеи казачьей независимости следующие положения:

1. Неизбежность солидаризации казаков, для достижения этой цели, с другими народами, находящимися в аналогичных условиях, то есть необходимость освобождения, построенного на полном уважении прав этих народов, чем, между прочим, автоматически устраняется своеобразный казачий империализм, опасный только для казачества.

2. Отсутствие устойчивого казачьего большинства даже в исторических казачьих землях, ставит перед ними сложную проблему создания такого большиниства. Неблагоприятно. сло-

жившиеся этнографические условия не только не улучшают это положение с присоединением новых земель, а, наоборот, лишь увеличивают процент неказачьего населения.

Поэтому казачество не может охватить территории больше своих исконных земель, и, скорее из соображений внутренне-государственных, вынуждено будет репатриировать тех казаков, которые во имя русского империализма играли роль военных колонизаторов на чужих землях.

3. Необходимо казакам серьезно обдумать положение в какое они попадут вследствие таких фантастических программ, которые преподносятся в казачьей прессе, ибо если они даже и играют роль пробного камня, то вместе с тем лишают казачества того кредита среди стремящихся к освобождению народов России (в силу особого прошлого казачества), без которого оно едва-ли будет в силах что либо для себя сделать.

В противоположность идеологам „Вольного Казачества", мы избегаем вмешиваться в детали государственного построения Казакии. Мы коснулись только той части казачьей территориальной программы, которая нарушает минимально-необходимые границы Горской Республики, обеспечивающие восстановление ея независимости и нормальное развитие в дальнейшем.

Мы почти не коснулись восточных и юго-восточных границ Казакии, а именно ея разграничения с Республикой Туркестана, хотя горцы не могут к этому разграничению относиться безразлично, так как Туркестан является не только соседом нашим, но и союзником. Мы только укажем, что Казакия слишком бесцеремонно распоряжается территорией Туркестана.

Итак, и историческими справками, и этнографическими данными, и реальными положениями и соотношениями нашего времени, и цифрами статистики, мы с очевидностью установили неоспоримое ни в прошлом, ни в настоящем, моральное, основанное на демократическом принципе, юридически - государственное и историческое право горцев на определяемые нами границы, и полное отсутствие каких либо основательных претензий казачества на территорию горцев.

Мурза-Бек.

АХМЕД ЦАЛЫККАТЫ
(ко 2-ой годовщине его смерти)

РОДНОМУ ТЕРЕКУ!

(Посвящаю светлой памяти Ахмета Цалыккаты.)

На что ты ропщешь неугомонный, —
Свои ты тайны мне доверь!,
Чего все стонешь, как пронзенный
Смертельною стрелою зверь?

В горах твой ропот и угрозы
Я слышу, дух свой затая,
И там, где в дивные узоры
Цветы украсили поля.

Твой рев и дикое ворчанье
Пугают мирные стада,
И юных девушек мечтанья
Ты прерываешь без стыда.

Не рад ты, точно, и весне, —
Еще ты более лют,
Твой грохот слышится везде,
Как братский нам салют.

Но верь мне, с давних пор
Понятен твой порыв,
На то и сын я гор,
Чтоб слышать твой призыв.

Придет пора, с земли родной
Ты смоешь весь позор
Обильной той водой,
Что берешь ты с гор.

Быть может, что тогда
Свой рев, так полный гнева,
Ты переменишь навсегда
На звуки дивного напева. *)

Коста.

---

*) В стихотворении „К горцам!", в предыдущем номере журнала строчку—от опеки и невзгод" —следует читать — „от опеки и невежд."(ред.)

Горцы на Ближнем Востоке

Представитель нашей партии в Сирии, Дж. Маршани, любезно поделился с редакцией журнала сведениями о жизни старой горской эммиграции в странах Ближнего Востока (кроме Турции), которые он посетил лично. Главная масса горцев здесь расселена в Сирии и Транс-Иордании. Незначительное количество горцев находится так-же и в Ираке, Египте и т. д. Общее количество потомков старых мухаджиров доходит до 125—130 тыс. человек, из которых около 80 тыс. приходится на Сирию, около 25 тыс.—на Транс-Иорданию и остаток на Египет, Ирак. Все они в полной неприкосновенности сохранили старые адаты, уклад жизни и даже национальную одежду, хотя там, где климат особенно жаркий (Транс-Иордания и Ирак), вынуждены частично одеваться по-арабски. В политическом, культурном и экономическом отношении они представляют из себя весьма сплоченную высоко-развитую массу, которая в нужную минуту всегда сможет постоять за себя. Культурная жизнь сосредото-

ГРУППА КОМАНДНОГО СОСТАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЧЕРКЕССКИХ ЧАСТЕЙ В СИРИИ.

чена в организации — „Union Intellectuelle Circassienne“, — центр которой находится в гор. Кунейтра в Сирии, а отделения почти во всех более или менее крупных пунктах вышеупомянутых стран. С занятием французами Сирии, последние приступили к формированию национальных частей из горцев и сейчас количество таковых исчисляется в 11 эскадронов (около 2000 чел.), руководимых исключительно своим командным составом, получившим образование или-же переподготовленном во французских военных школах. Части эти в текущем году переобмундировываются и будут носить черкески. В данное время черкески введены только в нескольких эскадронах. Имеются горские части и в королевстве Транс-Иордания, где один эскадрон (в черкесах) составляет конвой эмира, а три эскадрона входят в состав линейных войск. Последние экипированы и обучены на английский лад. Насколько у старых мухаджиров развито национальное самосознание свидетельствуют, хотя-бы, следующие факты: все здания, принадлежащие обществу „Union Int. Circass“. (клубы общества в Кунейтре и иных местах и т. д.) украшены национальным флагом Независимой Республики Горцев; члены Народной Партии Горцев Кавказа, имеющие французские знаки отличия, с гордостью носят значок партии, прикрепляя его над этими знаками отличия.

„Для нас, стремящихся к воссозданию Независимости нашей Родины — сказал, заканчивая свою краткую информацию, наш сирийский представитель — особенно важно наличие организованной горской воинской силы, хотя-бы даже и на чужой службе. Я уверен, что в нужный момент эти горские эскадроны явятся кадром для тех многих десятков, а может быть и сотни — другой, тысяч, которые со всего Ближнего Востока двинутся на Кавказ, чтобы с оружием в руках добыть для себя обратно Родину отцов“.

Печать

Вышел № 12 „Бюллетеня Комитета Независимости Кавказа“, посвященный последним событиям на Кавказе. В бюллетене приводятся доклады представителей отдельных секций о событиях, а так-же помещается резолюция, принятая К. Н. К. по обсуждении этих докладов. В резолюции отмечается:

а) „Что революционная энергия народных масс Кавказа, накопленная годами оккупации, с назреванием кризиса коммуни-

стического режима принимает все большую активность, об‘ективно создавая благоприятную почву для организаторской деятельности национально-революционных сил Кавказа.

б) Что общее несчастие, постигшее все народы Кавказа, та тяжелая борьба, которую они совместно ведут против общего врага, несомненно способствует утверждению в умах сознания общности исторических судеб всех народов Кавказа, которое и создает ту необходимую общую революционную психологию, без которой не мыслимо успешное завершение начатой борьбы“...

Учитывая все это, К. Н. К. считает настоятельно необходимым:

1) „Всеми мерами способствовать национальным организациям Кавказа усилить организационно-пропагандическую деятельность на Родине, выдвигая на первый план лозунг Независимой Кавказской Конфедерации.

2) Предложить через национальные центры всем органам печати и пропаганды союзных организаций систематически развивать идею кавказского единства и конфедеративной связи его народов, а конкретно для данного времени, реагировать на сообщения с Кавказа о восстаниях дружным эхом и возможно больше повлиять на международную печать и органы общественного мнения, дабы не умолчать кровавые события в Азербайджане и других республиках Кавказа“...

* * *

Выпущен первый номер трех-месячного журнала „Восток“ („Wschód“), издаваемый „Ориенталистическим Колом Молодых“, о котором мы упоминали в одном из наших номеров. Кроме ряда весьма интересных статей и информаций о положении востоковедения в Польше в прошлом и настоящем, названный номер содержит весьма характерное обращение Исполнит. Комит. Союза Польской Академической Молодежи, адресованное к народам Кавказа по случаю дня их Независимости.

В продолжении последних 150-ти лет ни одно движение порабощенных народов против своих угнетателей не обходилось без участия представителей польского народа. Имена Костюшки, Пулаского, ген. Бема и многих других польских патриотов вписаны золотыми буквами в историю национальных движений последних двух столетий. Обращение польской академической молодежи свидетельствует о том, что благородные традиции отцов свято чтятся молодым поколением и оно в нужный момент готово всегда следовать их примеру. Слова сочувствия, неподдельной симпатии, которыми дышит упомянутое обращение, дороги нам, кавказцам, особенно в этот тяжелый для нашей Родины момент. Мы приводим их ниже целиком в переводе, ибо

считаем, что в каждом из нас они вызовут чувство глубокого удовлетворения.

Приветствие Народам Кавказа

Привет – Грузия, Азербайджан и Северный Кавказ. Из далекой и свободной Польши, с берегов Вислы, шлем вам свои пожелания. Не смотря на тысячи километров, которые нас отделяют мы знаем вашу судьбу и сердца наши с вами. Каждый человек, борющийся за свободу, всегда был нашим братом. Вести от вас приходят редко, но мы, все-же, знаем, как захватчики угнетают вашу Родину. Москва исстари была символом тирании и гнета, но, однако, она постепенно теряет свою былую мощь. Мировая война освободила Польшу, Литву, Латвию, Эстонию и Финдляндию. Страны эти, получив свободу, сохранили ее. Иные страны так-же стремились стать независимыми. Но Россия была еще так сильна, что смогла удержать свою власть над ними. Однако, несмотря на временную и кажущуюся силу, российский колос разрушается постарому и время вашего освобождения наступит скорее, чем вы предполагаете. Вы должны только проникнуться силой терпения—той моральной силой, которая всегда побеждает силу штыков и ружей. В борьбе вашей будьте уверенны в нашей помощи. Имейте в виду и нас. Не отчаивайтесь, ибо непобежденным есть тот, кто не признал себя таковым. Шлем вам привет—привет вольности из страны, которая добыла себе свободу, так-же как и вы ее скоро добудете.

Исполн. Комит. Союза Польской Акад. Молодежи.

ХРОНИКА

В РЕСПУБЛИКЕ ГОРЦЕВ

Информационным бюро Народной Партии получены более подробные сведения о последних событиях на нашей Родине. Волна повстанческого движения, прошедшая по всему Кавказу, нашла свое отражение и в горских областях, достигая здесь в апреле т. г. кульминационного пункта. Повстанцы, дотоле действовавшие не большими партиями, стали соединяться в более крупные группы и в середине апреля отважились совершить налет на гор. Армавир. Продержавшись здесь три дня, они скрылись обратно в горы с тем, чтобы повторить через некоторое время нападение на Кисловодск. Одновременно с этим повстанцами были очищены от коммунистов Баксанское и Чегемское ущелья и усиленна активность в иных районах расселения горцев, включительно до Закатальского округа. Последний явился даже, как бы, центром восстания на всем Кавказе, ибо здесь, именно, произошел с'езд руководителей повстанческих отрядов, как Северного Кавказа, так и Азербайджана, Грузии и Армении. Здесь-же в апреле был уничтожен поголовно отряд ГПУ в 300 человек, высланный из Баку, а так-же убито свыше 30 шофферов автомобилей перевозящих части войск, оперирующих против повстанцев. Железно-дорожный путь между станциями Прохладная — Беслан — Шамиль-Кала — Дербент подвергается постоянным нападениям повстанческих отрядов и движение по нем производится под охраной блиндированных поездов.

В июне красным удалось вновь занять Баксанское и Чегемское ущелья, при чем почти все мужское население, способное носить оружие, рассеялось вместе с повстанцами по горам. Власть, предполагавшая, что ей удалось покончить с повстанцами, выслала в район упомянутых ущелий специальную комиссию для расследования, не снабдив ее соответствующей охраной. В результате, около села Новый-Баксан автомобиль комиссии был остановлен, а находившиеся в нем члены бюро обл. ком. ВКП (б) Кабард.-Балк. области — Мусукаев Ахмед и Виноградов Николай, а так-же члены Балкарского окружного комитета ВКП (б) — Этезов Идрис и Караев Магомет, были расстреляны повстанцами. Убит был в Ахтах так-же комиссар Ахмед Гассан-Ага, получивший задание ликвидировать повстанческую группу Ших-Ахмеда, действующую в Южном Дагестане. Хотя непосредственной причиной усиления повстанческой активности была коллективизация, но прокламации, распространяемые повстанцами свидетельствуют о национальном характере движения. Так например, в воззваниях Мухтар-Бека*) говорится — „Мы не хотим ни власти царской, ни власти коммунистов. Мы хотим быть свободными и управляться сами". В связи с усилением повстанческого движения, советская власть усилила террор, вернувшись опять к системе массовых расстрелов. В одной только Осетии в течении последних нескольких месяцев количество расстрелянных дошло до 200 человек. Велики так-же жертвы террора в Кабарде, Ингушетии, Чечне и Дагестане. В Черкессии и Карачае советская власть в виде репрессии произвела досрочные перевыборы советов, выслав большинство членов старых советов в северные губернии и Сибирь.

* * *

Там, где национальный вопрос получил свое „идеальнейшее" разрешение

Владикавкасская газета „Власть Труда" помещает нижеследующую заметку, рисующую тот междунациональный „мир", который достигла советская власть за 10 лет своего пребывания на Кавказе — „На заводе (Мизурском свинцоплавительном, находящемся в Алагирском ущелье) создалась группа, которая ставит своей задачей — борьбу с русским инженером и слесарем. Личные мотивы тесно переплетаются с национальными, с неизжитой еще на фабрике национальной рознью между осетинами и русскими".

Аналогичное сообщение замещает и „Кр. Даг.": „Среди рабочих — пишет газета, описывая 1-ый с'езд союза текстильщиков Дагестана, — сильно развит национальный антагонизм. При голосовании за кандидатуру русского не голосуют националы и наоборот".

На „антирелигиозном фронте"

В той-же газете „Вл. Тр." мы находим картину не менее типичную для настоящей советской действительности, совсем не гармонирующую с хвастливыми уверениями большевиков о победах на „антирелигиозном фронте". „С минарета мечети — пишет „Вл. Тр." — слышиться протяжный крик „глашатая". Он убеждает граждан селения Сагопш принести на следующее утро молока для мюридов-„сту-

---

*) Мухтар-Бек руководит действиями повстанцев на Кубани, в Карагае, Кабарде и Осетии.

дентов“ открывшегося арабского „Вуза“. На следующее утро со всего села потянулись взрослые и дети с ведрами свежего молока. А местные общественные организации не видят, что у них делается под носом. Они не видят, какое влияние оказывают на массу мюриды, они не видят, что среди мюридов есть сыновья кулаков и что они одурманивают бедняков и середняков религиозным пением и пляской“.

Террор и антитеррор

— Выездная сессия главсуда Дагестана разбирала недавно дело „суллу-чубутлинскнх вредителей“. Дело это было вызвано тем, что дамба, выстроенная этими „вредителями“ на рукаве Терека — Суллу-Чубутли, летом прошлого года не выдержала напора разлившейся реки и дала прорыв. Строителям дамбы было пред‘явлено обвинение в „явном вредительстве с целью подрыва устойчивости советской власти“ и ныне двое из них — инженеры Буйко и Клименко — были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества, а смотритель дамбы Хаджибеков к заключению в исправительном лагере.

Выездной сессией обл. суда в Чечне будет разбираться дело жителя сел. Гойты Али Самбиева, обвиненного в взрыве сельсовета во время заседания там ячейки ВКП (б) и комсомола. Ему-же вменяется в вину подстрекательство населения к вооруженному восстанию.

— В Дагестане убит селькор газеты „Горец“ Кура-Магомедов Магомед, выполнявший — как пишет „Красн. Даг.“ — ряд ответственных работ и все время активно боровшийся против кулаков и духовенства.

Карьера Саидова

— Бывший фельдшер Саидов Дебир назначен народным комиссаром земледелия Дагестанской С.С.Р.

* * *

— „Общество изучения советской Азии“ выслало в начале августа сего года научную экспедицию в Дагестан с целью медицинского, антропологического и статистического изучения ногайцев и кумыков, а так-же некоторых лезгинских племен.

— В Терк-Кала Осетинский научно-исследовательский институт краеведения открыл первую выставку работ осетинских художников в здании осетинского музея.

— В Кабарде в конце июля с. г. прошел ураган, сопровождавшийся крупным градом. Ураган захватил площадь в 15 клм. шириной и 60 клм. длинною.

— По сведениям, общий урожай на Сев. Кавказе очень хороший. Есть районы, где гектар дал свыше 2 тонн пшеницы.

— На Май-Копских нефтепромыслах горит целый ряд нефтянных вышек. Специальный поезд с тушительной командой прибыл из Баку на помощь. Местные власти предполагают, что это дело рук „контр-революционеров-вредителей“.

В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В дополнение к описанию событий, помещенном в № 12 Бюллетеня К.Н.К., информационное бюро Азербайджанского Национ. Центра прислало редакции нашего журнала сведения о положении той массы беженцев, которая после упомянутых событий вынуждена была искать убежище в пределах соседней Персии. Информация эта приводится нами целиком ниже.

Азербайджанские беженцы в Персии

(От информационного бюро Азербайджанского Нац. Центра)

Под влиянием событий и преследуемое озлобленными большевиками население Азербайджана спасает себя бегством в Персию. Бегут крестьяне, иногда целые деревни со всеми жителями. В нашем распоряжении имеются имена таких деревень. Бегут милиционеры, замешанные в движение, со своими начальниками; имена этих начальников опубликованы в журнале „ОДЛУ-ЮРТ". Бегут некоторые партизаны, которые в неравной борьбе принуждены интернироваться в соседней стране. Бежит некоторая часть интеллигенции, торгового класса и зажиточного крестьянства. В настоящее время как в Тавризе, так и в Тегеране находятся несколько инженеров, докторов и юристов азербайджанцев, которые спаслись только бегством.

На равне с мусульманами бегут также армяне и колонисты как русские—молокане, так и немцы из окрестностей Ганджи. Известный немецкий виноделец Форер ныне находится в Тавризе.

Этих несчастных можно насчитывать тысячами, но пока не имеется точной регистрации. Во всяком случае их не меньше 5000. Они находятся в ужасных условиях жизни. Подвержены голоду, холоду, а еще ужаснее, бесправному положению. Не имеют почти никакой защиты. Ни материальной, ни юридическо-моральной. В первые дни даже бывали случаи, когда пограничные власти вернули назад ищущих убежище партизан. На этой почве произошел возмутительный и по своему финалу печальный случай: пять человек партизан, выданных персидскими пограничниками советам—были сейчас же расстреляны.

Ныне практикуется такой порядок: всех перешедших границу подвергают аресту и после выяснения личности и поручительства кого-нибудь из персиян выпускают на свободу.

В персидской печати опубликовано постановление правительства, по смыслу которого все, переходящие персидскую границу без специального паспорта и визы персидских консулов, рассматриваются как беглецы. Таковые арестовываются и переводятся в ближайший административный центр для установления личности. При случае, если у беглеца окажутся поручители из персиян, ему разрешают пребывать в Персии, но подальше от границы и с непременным взиманием денежного штрафа за нарушение закона страны; в противном же случае беженец должен выехать из Персии в любом направлении, какое он желает; не исполнение же сего повлечет за собою передачи беженца той стране откуда он перешел границу.

В условиях переживаемого момента, не трудно себе представить, что подобная инструкция на местах вызовет большие осложнения и печальные последствия. Персидскому правительству, члену „Лиги Наций", следовало бы принимать во внимание несчастных людей, ищущих у него, как ближайшего соседа и родственного народа, убежище.

Необходимо также энергичное вмешательство „Лиги Наций" и содействие международно-филантропических обществ.

* * *

— В Баку, в комиссии по изучению естественных богатств Азербайджана, проф. Дементьев сделал доклад, из которого явствует, что в Азербайджане обнаружено наличие алунитовой руды в количестве 78 мил. тонн, при чем из 100 000 тонн этой руды можно добыть 30.000 тонн металлического аллюминия.

— В Азербайджане колхозами охвачено всего 13% сельских хозяйств.

— В Баку Закавкасским правительством распущено Ц. П. союза текстильщиков, ввиду обнаружившейся в его работе „правооппортунистической практики“.

В ГРУЗИИ И АРМЕНИИ

— В районе городов Кутаиса и Самтреди затоплено около 3500 га посевов.

— Медицинский факультет Тифлисского университета преобразовывается в медицинский институт; экономический факультет — в финансово-кооперативный институт; юридическое отделение — в институт советского строительства и права. Преподавание в этих институтах будет вестись на грузинском языке.

— За убийство секретаря колхоза села Караклис приговорены к расстрелу „подстрекали“ — Григориян, Манукян и Асатрян, а так-же физические убийцы — Погосян и Оганесян.

64

Цена 5 франков

АДРЕС РЕДАКЦИИ

3. Rue du Sabot, Paris (6)